

Власов В. Ф.

Наш эксперимент

В поисках 4-го измерения

12+

Владимир Власов
Наш эксперимент

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Наш эксперимент / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Двое учеников средней школы сделали научное открытие, перевернувшее жизнь городка и изменив их представление о мироздании. Дети столкнулись с проблемами технического прогресса, почувствовав опасность того, к чему могут привести исследования незадачливых учёных. Хотя они и стали сильнее и духовно выросли, увидев всю многогранность строения мира, но в силу ответственности за результат работы и страха за жизнь близких, им пришлось уничтожить следы исследований.

Содержание

Два рассказа учеников средней школы	5
2. Рисовальщик и аниматор	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Два рассказа учеников средней школы Мой рассказ

1. Мечтатель и практик

Раз уж я решил рассказать нашу историю, то мне придётся изложить всё без утайки, как оно было. Это не простая задача, потому что многие могут не поверить ни мне, ни моему другу, рассказ которого я тоже привожу после своего изложения этих событий. Но это уж их дело. То, что мы вместе с другом сделали, выходит за рамки человеческого понимания, если, конечно, человек не подготовлен к восприятию чуда. А чудо заключается в том, что мы, простые школьники, во время нашего эксперимента сумели преобразоваться в свет.

Скажите, что я вру? Уверяю вас, что этого вполне возможно достичь при определённой тренировке и знании четырёх мудростей. А чтобы постигнуть четыре мудрости, нужно достичь определённой просветлённости. А ребёнку это проще сделать. Когда-то ещё Иисус Христос говорил, что ребёнку легче войти в Царство Божье, чем взрослому. И чем младше ребёнок, тем больше он похож на ангела.

Но я хочу сказать не об этом. Любой человек может превратиться в святого, не важно, какого он возраста. Древние люди говорили: «Простой смертный имеет восемь знаний, и только человек, достигший определённой просветлённости, постигает четыре мудрости. Первая – это мудрость великого круглого зеркала, отображающая в его душе всю Вселенную, и наделяющего его телом закона, то есть, знанием всего того, что там происходит. Затем человек постигает универсальную мудрость и его тело знаний наполняется блаженством от понимания всего, что происходило, происходит и произойдёт во Вселенной. Третья мудрость сокровенного открывает перед ним высшие этажи Истины, и человек познаёт все тайны мироздания, и, наконец, наступает время совершенной мудрости, когда тело человеческое трансформируется в свет».

Так вот, история пойдёт о том, как мы с другом достигли этого состояния, и что из этого получилось. Нам пришлось пройти через восемь испытаний, которые сделали нас сильными и помогли нам приобрести восемь необходимых человеку знаний. Мы были испытаны добротой, страхом, враждебностью, усердием, мудростью, светом, дружбой и отказом от себя. Правда, до сих пор мне и моему другу по ночам видятся сны о воскресших мёртвых, об ангелах и летающих по воздуху святых, о чертях и прочей нечисти, а также, о тонких сущностях и других небесных таинствах. С этими кошмарами вряд ли мы столкнулись бы, если б не наш эксперимент. Однако он помог нам испытать на себе истину народной мудрости: «Не буди лихо, пока оно тихо». И ещё, мне хотелось бы поделиться нашим опытом с теми нашими сверстниками, кто захотел бы его повторить. Пусть они вначале подумают, чем всё это может кончиться.

Мне придётся скрыть все имена и фамилии, а также название места, где всё это происходило, а то, не дай Бог, Сер..., то есть, тот, о ком пойдёт речь, узнает, что я открыл эту тайну и очень обидится на меня. Назову-ка я его в моей истории Егором, своим тёзкой, хотя меня все в школе зовут Гошей. И в паспорте, что я недавно получил, я значусь Георгий, так же, как и Георгий-Победоносец, который наколол на копьё Змея-Горыныча. Все, наверное, видели эту картинку. Она есть даже на гербе нашего государства. Правда, никаких змеев-Горынычей я на копьё никогда не накальывал, а вот бабочек, по своей глупости, мне приходилось накальывать на иголки, когда мы всем классом собирали гербарий местной флоры и насекомых нашей фауны в общешкольную коллекцию. Тогда я ходил в кружок юных натуралистов, потому что не имел ещё своего основного увлечения.

М-да. О себе я не буду ничего рассказывать в целях конспирации, скажу только самое необходимое, без чего невозможно обойтись в моём рассказе. Так вот, я – самый настоящий компьютерщик. Это и есть моё истинное увлечение и призвание в жизни. Компьютер у меня появился, когда в нашем классе их ещё ни у кого не было. Я, можно сказать, первооткрыватель и пионер в этом деле. Я очень внимательно слежу за прогрессом и развитием высоких технологий и покупаю самые последние новинки, которые появляются на компьютерном рынке. Мои старики для этого денег не жалеют, потому что понимают, что вкладывают их в прибыльный бизнес. А я, как они считают, и есть их бизнес. Но сейчас речь не об этом. За то время, пока я учусь в школе, у меня сменилось уже три модели компьютера, не буду называть какие, а то мои одноклассники меня быстро вычислят. Скажу только с гордостью, что у меня есть к нему всё необходимое, как у нас в школе называют, прикамбасы, которые может себе позволить настоящий компьютерщик, разные там крутые и навороченные штучки, при помощи которых можно реализовать любую свою мечту и фантазию.

Последнее время все только и говорят о виртуальной жизни, то есть, о той реальности в виртуальном измерении, которая последнее время нас, школьников, целиком поглотила. Вообще-то, я не очень разбираюсь в этих вещах. Это скорее всего по части Егоровой бабки, которая долгое время работала в республиканском отделении академии наук, переводила там всякие буддийские трактаты с тибетского языка. Она часто говорит нам, что сейчас все мы, современные дети, ни что иное, как искусственный продукт, выращенные в пробирках в этих специальных лабораториях наших дурацких школ, потому что все мы отделены от окружающей среды и истинной духовности. И что наши компьютеры – самые настоящие ловушки, которые делают из нас неврастеников. Насчёт наших дурацких школ – я с ней полностью согласен. Но вот, что касается компьютеров, то тут она не права. Но я с ней никогда не спорю. А иногда мне даже кажется, что она ненормальная, и, вообще, я не знаю, как ей смогли доверить воспитание Егора. У неё, наверное, от этого тибетского языка и разных там буддийских сутр уже давно крыша поехала. Но Егора она любит, и даже, несмотря на свои предубеждения, купила ему компьютер. А как же иначе в нашей жизни обходиться без него? Сейчас каждый ученик имеет компьютер. Без него в школе и шагу ступить нельзя.

Так вот, она говорит, что эта виртуальная реальность стала заменять нам жизнь. Не знаю, может быть, она и права. Я не задумывался над этим, у меня своих забот хватает. А она в этом деле собаку съела, как говорят многие продвинутые взрослые. Кстати, тоже очень интересное выраженье – собаку съесть. Взрослым, наверное, виднее по части съедения собак. Я же собак не ем. Слышал, что корейцы их едят. А я собак люблю. У меня был даже пёс по кличке Альдебаран, похожий на пуделя. Но он был не чистокровным пуделем, а помесью пуделя с дворнягой. Поэтому как-то раз он вышел на прогулку и больше не вернулся. Наверное, спутался с какой-нибудь бродячей сукой-дворнягой и предпочёл уличную жизнь, нашей квартире. Одно время я тоже хотел сбежать из дому и предаться бродяжничеству. Тогда я очень завидовал беспризорникам. Вот у кого настоящая жизнь, ни каких школ, занятий, родителей с их нотациями. Одни развлечения и полная свобода. Но меня не отпустили на свободу компьютерные дела. Я тогда уже настолько привык к нему, что и дня не мог прожить без того, чтобы не залезть в Интернет и не перекачать оттуда себе какую-нибудь программу. Интернет стал для меня моим миром. А во время бродяжничества – где его взять. Вот и приходится жить с родителями и терпеть их занудство.

А что касается бабушки Егора, то она очень продвинутая старуха. И с ней бывает иногда даже интересно поговорить. Жаль, что она против компьютеров. А я думаю, что с помощью компьютера можно сейчас решить любую проблему, что я и делаю в продолжение последних нескольких лет.

Что-то, рассказ у меня получается очень сбивчивым. Перескакиваю с одного на другое, и никак не могу добраться до главного. Это происходит оттого, что я не привык писать рас-

сказы. В школе за сочинения у меня всегда выходила тройка с натяжкой. Не любил я писать эти сочинения. Так что считайте, что это – мой первый и последний опыт. И делаю я это лишь для того, чтобы рассказать о моей главной проблеме, возникшей из-за компьютера и этой пресловутой виртуальной реальности, которую чёрт бы побрал. От вас я хочу одного – получить умный совет, что мне делать дальше.

Так вот, вначале я стал рассказывать, как накалывал бабочек в кружке юннатов. А сейчас подхожу к главному. Я хочу рассказать, как я наколол Серё... то есть Егора, и сейчас не знаю, что дальше мне с этим делать. И чёрт меня угораздил это сделать! А наколол я его из самых лучших побуждений, потому что очень хотел ему помочь. Он младше меня на несколько лет, но друга ближе, чем он, у меня нет, потому что мы с ним соседи. Живём в одном доме и ходим в одну школу. Только он учится несколькими классами младше меня. И вот я решил помочь ему в очень важном деле. Так что в моё оправдание скажу, что у меня была серьёзная причина. Ну, ладно, начну рассказывать всё по порядку.

Прежде всего, мне нужно сказать несколько слов о том, где всё это произошло, иначе никто ничего из моего рассказа не поймёт. Поэтому я, не упоминая географических названий, назову только координаты того места, где всё это случилось. В Интернете в системе Google есть карта всего земного шара, которая называется Image Digital Globe. На ней можно рассмотреть любое место на земле, с какой хочешь высоты. Видны даже машины на улицах. Так вот, наш городок расположен на пересечении координат 51°52'04.71" северной широты и 107° 43'28.47" восточной долготы на высоте 574 метра над уровнем моря. Можете посмотреть сами. Всё равно там географические имена не указаны. А всё, что указано, то только по-английски, потому что снято из космоса с американских шпионских спутников. Городок находится чуть восточнее столицы одной восточной республики, что омывается восточным берегом одного известного озера. Назовём эту республику X. За восточной окраиной её столицы с названием Y, разместился наш небольшой городок, называемый Z. Все взрослые жители нашего городка работают на авиационном заводе, который производит военные вертолёты, а дети и юноши, как и везде в нашей стране, ходят в школу.

Раньше наш город, выпускающий военную продукцию, считался закрытым. Вот дурачки. Они думали, что его не видно из космоса. Через мой компьютер я могу рассмотреть каждую улицу в отдельности. Американцы отсняли в нашем городке каждый камешек на мостовой. А вообще-то, наш городок стоит того, чтобы его отснять, потому что он лежит у подножья живописного горного хребта, покрытого сосновыми и кедровыми лесами. Вдоль берега быстрой речки протянулась взлётно-посадочная полоса, с которой в разное время в небо поднимались построенные на заводе истребители, гражданские самолёты и вертолёты. Но уже давно жители нашего городка не слышат над крышами их домов рёва реактивных двигателей самолётов. Сейчас в небе над нашими головами иногда висают лишь бесшумные стальные стрекозы.

В центре этого городка недалеко от кинотеатра «Родина» в пятиэтажном доме живём мы с Егором. Окна наших квартир выходят на юг, где находится небольшой сквер, в центре которого стоит памятник самого известного в мире революционера Владимира Ильича Ленина. Роба у него мне никогда не нравилась, потому что получилась у скульптора какой-то зловещей. Вы его сами можете хорошо рассмотреть из космоса, если найдёте на видовом цифровом глобусе в системе «Гугл». Я живу в этом доме на третьем этаже, а мой друг – на пятом. С его балкона вид на наш городок открывается лучше, чем с моего. Егор живёт вдвоём с бабушкой.

Он очень хотел стать военным лётчиком, но его бабка и слушать об этом не хотела. Дело в том, что родители Егора погибли, прыгая с парашютом на юбилейном празднике авиазавода. Трагедия произошла летом, когда собралось на стадионе много народа, и нужно было с большой высоты прыгнуть с парашютом так, чтобы приземлиться в самом центре поля. В тот день было жарко, но дул сильный ветер, и прыжки уже хотели отменить. Но какой праздник без прыжков с парашютом?! И для этого номера было решено отобрать самых лучших парашю-

тистов завода. Ими и стали отец и мать Егора. Мама Егора, как чемпионка по прыжкам с парашютом, часто участвовала на разных соревнованиях и показательных выступлениях. Так что для неё это было обычным делом. Отец его тоже прыгал с парашютом, но он был лётчиком-испытателем, и имел значительно меньше прыжков. В тот день отец сказал, что ни за что не позволит маме прыгать одной. Поэтому и было решено комиссией, что они вдвоем дуэтом доставят праздничный вымпел на стадион.

Первой прыгнула с самолёта мама, к ногам у неё был прикреплен вымпел с грузом.

Однако в тот несчастный день всё пошло не так, как все хотели. Когда мама должна была открыть свой парашют, стропы перехлестнулись со шнуром вымпела, и купол сложился. Мама на большой скорости неслась к земле с запутавшимся парашютом. Папа прыгнул вслед за ней, и так как он был тяжелее, то быстро догнал её в полёте и прижал к себе. Им удалось открыть парашют уже перед самой землёй, но ветер отбросил их на провода высокого напряжения. Электролиния проходит прямо за стадионом, где устроили праздник. Обоих родителей убило током высокого напряжения. Так в один день Егор стал сиротой.

С того времени его воспитывала бабушка, которая не хотела слушать ни о какой карьере лётчика. Но Егор очень любил небо и с завистью смотрел на стрижей, рассекающих воздух. Они жили в большой четырёхкомнатной квартире, и я часто приходил к нему играть. Потом бабка купила ему компьютер, и я быстро обучил Егора всяким играм. Я заметил, что все его компьютерные игры были связаны с воздушными боями. Бабушка Егора не запрещала ему играть в них, но всегда делала при этом недовольное лицо. Особенно Егору нравилась одна игра. Там шли воздушные бои американского или английского лётчика с японскими «Зего» над авианосцем в районе Марианских островов. Егор в тайне от своей бабки считал себя очень хорошим лётчиком – истребителем. Он с упоением вёл свой самолёт в атаку, правда, практически я ни разу не видел, чтобы он сбил хотя бы один японский самолёт.

Бабка Егора вообще всегда была странной старухой. Она и на Егора-то не очень походит, в её чертах проступает что-то от местных аборигенов. Когда же погибли родители Егора, то она взяла его воспитание в свои руки. Вообще-то, женщина она добрая, но с некоторыми причудами. Так я считаю. Когда родители Егора погибли, то она объяснила ему, что они вознеслись на небо. «Как же они это сделали?» – удивился Егор.

– Они превратились в драконов, – не моргнув глазом, ответила она.

– Что же, получается? – спросил её Егор. – Значит, я – сын драконов?

– Получается так, – сказала она.

– Тогда я тоже могу подняться в небо и встретиться с моими родителями? – обрадовался

Егор.

– Придёт время, и ты сможешь это сделать, – сказала она.

– А когда придёт это время? – спросил Егор.

– Когда ты станешь большим, – подумав, молвила она, – и многое узнаешь о жизни.

Этот разговор проходил при мне. Я лично был свидетелем его. Очень удивился словам его бабки, но ничего не сказал.

Позднее я стал задумываться над её словами, стараясь понять, как это Егор сможет стать драконом, да и подняться в небо без всяких там приспособлений.

Мы никогда не говорили с Егором о его родителях. Но однажды весной, когда мы запустили в небо змея, похожего на дракона, Егор вдруг спросил меня?

– Скажи, ты веришь, что можно стать драконом, и вот также подняться в небо.

День был ветреный. Долина, где расположен наш городок между двумя горными хребтами, часто продувается ветрами. Поэтому в такие дни очень хорошо запускать в небо змеев. Они могут подняться очень высоко на всю размотку катушки. И когда держишь в руках бечевку, на которой высоко в небе трепещет змей, и его колебания передаются как по струне

тебе на руку, кажется, что змей оживает в небе, и от этого возникает ни с чем не сравнимое чувство.

Когда мне Егор задал этот вопрос, я был под впечатлением общения с небом, ведь один конец как бы моего существа высоко записал над городом. Поэтому я и сказал ему глупость:

– Конечно, верю. Стать драконом также просто, как запустить в небо этот змей.

Сказал я это, не подумав о последствиях. Егор ко мне сразу же прицепился:

– Значит, ты знаешь, как стать драконом?

О, если бы я только знал! Однако, чтобы не показывать свою неосведомлённость, я ответил ему уклончиво:

– Ты хочешь стать драконом? А зачем тебе это надо?

– Я хочу повидаться с родителями.

– Тебе же твоя бабка сказала, что придёт время, ты станешь драконом, поднимешься в небо и встретишься там со своими родителями.

– Но почему все считают меня маленьким? – обиделся Егор. – Вот и ты говоришь мне то же самое, что и моя бабка. Все считают, что я не могу ничему научиться, как будто я не способен понять того, что знают другие. Все меня принимают за маленького дурочка.

Я увидел в его глазах слёзы. И понял, что он вот-вот расплачется. Мне стало жаль его, и я спросил:

– Но зачем тебе нужно знать это именно сейчас?

– Да потому, – ответил он сердито, – что у всех есть родители, а у меня нет их.

И я сказал ему:

– Ладно, я помогу тебе стать драконом.

Так я пообещал ему это, совсем не подумав.

Услышав мои слова, Егор обрадовался.

– Хорошо, хоть ты не считаешь меня маленьким, – сказал он, – я ведь многое уже понимаю. Я слышал, что мои родители упали на электрические провода и превратились в электричество. Теоретически, все мы состоим из энергии. Ведь можно же за счёт этой энергии преобразовать наши тела и уноситься туда, куда мы пожелаем. Так и мои родители поступили. Когда они превратились в сгустки энергии, то они вознеслись на небо, и уже оттуда не смогли вернуться обратно на землю. Я это знаю. Им трудно сейчас преобразить свою энергию в их тела. Ведь там, на небесах они сейчас носятся без парашютов. А для того чтобы коснуться земли, им нужно иметь уже человеческие тела. Поэтому прямо в небе они не могут превратиться в людей, так как упадут на землю и разобьются. Я так думаю.

Он замолчал и задумчиво посмотрел на небо, а затем продолжил:

– Но я часто вижу их по ночам во сне. И иногда чувствую на себе их взгляд с неба, особенно, когда выхожу перед сном на балкон. Они как бы машут мне рукой, и я им машу в ответ, хотя ясно не вижу, где они находятся. Но я их очень хорошо чувствую.

Я не знал, что ему ответить на эти слова. Вернувшись домой, я сел к своему компьютеру, нашёл в системе Интернета «Гугл» цифровое изображение нашего городка, опустившись над ним на высоту полтора километра, долго рассматривал его из космоса. Так, вероятно, смотрели на наш городок и родители Егора. Я видел то место, где мы с Егором только что запускали змея. Когда змей высоко поднимался в небо, то, вероятно, с этой высоты мог тоже посмотреть на наш город. Я нарисовал в центре экрана наш змей и тонкой линией соединил его с тем местом на пригорке недалеко от парка, где мы ещё совсем недавно стояли с Егором. Затем я маленькими точками обозначил нас с Егором. Однако с этой высоты людей не видно, заметны лишь их небольшие тени на земле.

Я стёр нас с Егором и бечёвку, тянущуюся из наших рук к змею. Затем я на змее нарисовал, как умел, дракона. Получилось неплохо. Я убрал рамки змея, и дракон получился парящим над землёй. Я заставил его двигаться. Дракон стал перемещаться хаотично по экрану. Я сме-

стил изображение нашего городка в наклонную плоскость, и на экране сразу же обозначились склоны холмов и вертикали зданий. Появился зигзагообразный горизонт и чёрное пространство над ним, по которому носился созданный мной дракон. И тогда я создал над моим городком небо, и поставил таймер, совместив его со временами суток. Это была сложная работа. Я трудился как сам Господь Бог, и даже больше. Ведь Бог создавал мир по своему усмотрению, а мне приходилось высчитывать и совмещать все его аппликации на моём экране компьютера.

Однако я остался доволен. Мне ни только удалось подвесить над городком звёздное небо со всеми созвездиями, которые породил Создатель, но и рассчитать их движение в течение всех суток с учётом положения Земли на орбите вокруг Солнца. Затем мне нужно было рассчитать и зафиксировать орбиты Луны и Солнца, и, наконец, совместить появление на небе облаков с электронными метеорологическими съёмками спутников. Я просидел за компьютером до глубокой ночи, а когда лёг спать, то долго не мог уснуть от возбуждения. Но я был очень доволен своим результатом, мне удалось своими электронными сетями выловить весь наш мир и живьем захватить его в мой компьютер. Я стал господином над этим миром. За один вечер я сам превратился в живого бога.

Утром на занятиях в школе я сидел, клюя носом, как птица, но был счастлив оттого, что мне удалось сделать прорыв в компьютерной графике и обрести свой, самый настоящий мир. На перемене я нашёл Егора и спросил его:

– Что бы ты сделал, если бы смог общаться со своими родителями?

– Как? – удивился он.

– Через электричество, – сказал я ему.

– А разве это можно? – удивился он.

– Всё можно в нашем мире, – ответил я ему.

И он сказал мне, что был бы счастлив, если бы это удалось. Я попросил у него дать мне фотографии его родителей.

– Зачем? – удивился он.

– Я попытаюсь вызвать их дух из космоса, – сказал я ему уклончиво. – Но ты меня только не спрашивай, как я это сделаю.

После обеда он занёс мне фотографии домой. Мы немного поболтали, и когда я стался один, то отсканировал эти фотографии и ввёл в компьютер. Затем я нарисовал два красивых дракона и присоединил лица родителей Егора к головам дракона. Я долго смотрел на них, и мне показалась эта операция немного кощунственной. Из своего арсенала форм я постарался выбрать самые совершенные формы и до позднего вечера работал над тем, чтобы придать их образам самые красивые облики. Уже глубокой полночью у меня получились две довольно совершенные сущности, они были как бы полупрозрачными и чем-то походили на ветер, когда двигались, и на ангелов оставаясь в положении покоя. У них были крылья, и при движении они могли походить на драконов, но только очень смазанных, как это бывает на фотографиях, снятых при очень быстром движении. В состоянии покоя они походили на людей-ангелов. Я придавал их лицам радостные выражения и смягчил их очертания. Они получились у меня полупрозрачными сущностями, но в них угадывались как бы черты живых людей, тех, которых я ещё не придумал. Я остался доволен своей работой и с чувством выполненного долга лёг в постель, хотя не выучил ни одного урока, не сделал ни одного домашнего задания.

На следующий день в школе я вернул фотографии Егору.

– Ну, что? – спросил он меня. – Тебе удалось вызвать дух моих родителей из космоса?

– Нет, – соврал я ему. – Предстоит ещё решить много задач, прежде чем найти их там.

– А как ты собираешься это сделать? – спросил он.

– При помощи математики, – сказал я.

Не знаю, почему я так сказал ему. Может быть потому, что собирался на урок математики, к которому был абсолютно не готов.

– Как это ты собираешь с ними связаться с помощью математики? – удивился Егор.

– Очень просто, – ответил я, – дело в том, что всё, что в мире происходит, можно выразить с помощью цифр. Вернее, цифры, находящиеся в разных сочетаниях и создают наш мир. Все вещи и явления в нашем мире появляются в определённом цифровом наборе.

Это была моя собственная теория, которую я только что вывел.

– Как интересно! – воскликнул Егор и передёрнул плечами, как будто кто-то засунул ему за воротник кусочек льда.

– Вот именно, – подтвердил я.

– Интересно, – сказал он, – значит, если разгадать этот набор цифр, то можно понять какую-нибудь вещь или установить связь с каким-то явлением?

– Вот именно! – воскликнул я, обрадовавшись, что нет необходимости что-то объяснять и додумывать.

В это время прозвенел звонок, и мы отправились на уроки, каждый – в свой класс.

Тогда я не придавал особого значения этому разговору, и только позднее осознал, что именно эти мои слова послужили для Егора толчком к поискам тех запредельных сфер инобытия, при помощи которого он в последствии сам добился выдающихся успехов.

Вернувшись домой после уроков, я долгое время сидел перед компьютером в глубокой задумчивости. Я не знал, что делать дальше. Вроде бы я создал в виртуальной реальности родителей Егора, они носились по небу над нашим городом и были похожи на полупрозрачных духов-драконов. Но они пока не могли говорить. К тому же я не знал, что они могли сказать своему сыну. Спросить его об учёбе? Сказать, что они его крепко любят и скучают по нему. Всё это казалось мне неинтересным. А если он начнёт разговаривать с ними, как я буду ему отвечать, я ведь не знаю всех их отношений, которые были при жизни. К тому же я не смог бы изобразить их голос в компьютерном варианте. Одним словом, я уже начал раскаиваться в том, что затеял это дело. И уже хотел отказаться от него, найти предлог, сказав, что не могу установить с ними космической связи. Но тут пришёл ко мне сам Егор и сказал:

– Я знаю, как с ними установить связь.

От его заявления мои глаза полезли на лоб.

– Как? – спросил я его.

– Через физику, – ответил он.

– Как это ты собираешься установить связь с умершими родителями через физику? – изумился я.

– Очень просто, – ответил он, – при помощи торсионных полей.

– Что это такое? – удивился я.

Егор ниже меня на целую голову. У него есть привычка, когда он думает, чесать голову. И в этот раз мне было забавно смотреть, как он поднял руку и поскрёб ногтями затылок.

– Видишь ли, – сказал он с важным видом, – вот мы с тобой каждый день сталкиваемся с электромагнитными и гравитационными полями. Из-за гравитационного поля мы не можем подняться над городом подобно птице, не можем зависать над городом как наш змей. Гравитация нас удерживает на земле, хотим мы этого или нет. Кроме того, мы каждый день живём среди электромагнитных волн. Электрические приборы, которыми мы пользуемся, так или иначе, работают через электромагнитные волны. Есть ещё два вида взаимодействия через ядерные силы, но я не буду забивать ими тебе голову.

– Откуда ты всё это знаешь, – с удивлением воскликнул я.

– Как откуда? – удивился Егор, – из наших учебников.

– Что-то я такого там не читал, – заметил я.

– Мы учимся по новой программе, – ответил он. – У нас и учебники другие.

– Вот как? – разочарованно заметил я, – значит, нас в своё время держали в школе за недоумков.

– Ну, – развёл руками Егор, – прогресс же движется, и наука не стоит на одном месте. Вот сейчас мы изучаем торсионные поля.

И что же это такое?

Егор опять почесал затылок.

– Видишь ли, – сказал Егор, как бы оправдываясь, – наш класс с физическим уклоном, а ваш, как ты мне говорил, с математическим уклоном. Но математики и физики всегда идут нога в ногу, то, что предлагают математики, физики осуществляют в жизни.

– С чего ты взял? – спросил я обиженно.

– Так всегда было, – решительно заявил мне Егор. – К примеру, один французский математик Кардан ещё в 1913 году в своей статье высказал теорию, перевернувшую всё наше научное мировоззрение. Он сказал, что в природе есть поля, остающиеся от вращения. Сейчас все физики знают, что такие поля есть. Это – спин, вращение частиц или микроскопических объектов. Спин, как параметр квантовый и самостоятельно физический, не связан ни с массой, ни с зарядом. А значит, этому спину (вращению) должно соответствовать самостоятельное физическое поле, благодаря которому вращающиеся объекты должны взаимодействовать между собой. Это поле называется торсионным, иными словами, поле, поле кручения.

Он замолчал и, посмотрев на меня пристально, спросил:

– Понятно?

– Пока понятно, – ответил я ему. – Но объясни мне попроще, чего ты хочешь?

И он продолжил:

– Сейчас ты поймёшь. И ещё есть независимая универсальная среда в природе, которая пронизывает всё пространство, это физический вакуум. Если в этой среде появляется объект, который обладает вращением, то он поляризует её своим воздействием. И тогда вакуум наполняется торсионными полями. То есть одна и та же среда в разных состояниях в одном случае проявляет себя как гравитационное поле, в другом случае как электромагнитное, а в третьем случае, как торсионное поле.

– А в четвёртом случае? – перебил я его, явно иронизируя.

– Не знаю, – ответил он серьёзно, – может быть, есть и четвёртый случай, и пятый, но эти случаи давай пока оставим на «потом».

– Извини, – сказал я, устыдившись своей реплики.

Уж очень мне хотелось, его прервать, потому что в душе я ему начал завидовать. Он говорил лучше и яснее, чем любой учитель физики. И где только он успел всё это выудить, из каких книг, заучить, и научиться так увлеченно о них говорить. Мне, почему-то, захотелось пойти учиться в его класс, чтобы уметь так же блестяще говорить о сложных материях.

– Тебе это интересно? – спросил он, внимательно посмотрев на меня.

– Очень, – ответил я, – продолжай.

– Так вот, – молвил он, опять почесав затылок, – торсионные поля, как показала практика, обладают крайне необычными свойствами. Всё, что вращается, от квантового вращения элементарных частиц до вращения Вселенной, всё порождает эти поля. Торсионные поля порождаются колесом автомобиля или велосипеда. Это тоже источники торсионных полей. Вращающаяся земля – это тоже источник торсионного поля. Звёзды тоже являются источником торсионных полей. Вращение галактик.

– Ну и что из этого? – спросил я его, теряя терпение.

– А то, – ответил он, – как оказывается, в отличие от электромагнетизма с торсионными полями ситуация сложнее. Если там есть источник воздействия, есть поле, нет этого источника, нет поля, то тут существует ещё несколько ситуаций, когда торсионное поле может возникать без всякого воздействия.

– Но как ты можешь при помощи этого поля установить связь со своими родителями? – спросил я его.

– Смогу, не только установить с ними связь, – заметил Егор, – но и вернуть их на землю, активизировав их торсионное поле.

– Но каким образом?

– А таким, – ответил он, – Оказывается, в физическом вакууме, пронизывающем всё космическое пространство, торсионное поле может само регенерироваться. Оно возникает самопроизвольно, порождается просто какой-то формой. Я думаю, что ты знаешь, какие явления происходят в пирамидах. Пирамиды не вращаются, а эффект там есть.

– Ну и что? – спросил я его. – Для этого ты хочешь построить египетскую пирамиду?

– Совсем нет, – ответил терпеливо он, – я тебе не рассказал ещё об одной ситуации. Гравитационное поле существует и проявляется в чистом виде. Торсионное поле тоже проявляется в чистом виде. Но, при электромагнитном поле всегда существует в качестве побочного эффекта компоненты торсионного поля.

– И что? – опять спросил я его. – Ты хочешь притянуть электромагнитные волны к торсионному полю за уши? И этим вызвать из небытия твоих родителей?

– Послушай! – рассмеялся он. – В нашем мире может всё случиться, если разгадать его тайны. Оказывается, что вакуум по отношению к торсионным волнам ведёт себя как некая голограмма. Все мы привыкли к тому, что по школьному курсу для гравитационных и электромагнитных полей действует закон обратных квадратов. Например, закон Кулона, сила пропорциональна произведению заряда поделённая на квадрат расстояния. Или закон Ньютона, произведение силы равны произведению массы опять же на квадрат расстояния. И все привыкли к этому настолько, что считают, что в природе никак иначе быть не может.

– А что разве это не так? – спросил я его, хотя абсолютно забыл все эти физические законы.

В восьмом классе физика меня не очень интересовала. Выучив какой-то закон и ответив его у доски, я тут же его забывал. По-видимому, у Егора всё обстояло не так. Он продолжал говорить:

– Ни только теоретически, но и экспериментально выяснилось, что нет зависимости от интенсивности и расстояния вообще. И для передачи сигнала или воздействия на расстояния в три метра или в три миллиона километров нет никакой разницы. Интенсивность при этом меняться не будет. Не менее невероятные свойства, все привыкли к тому, что не может быть в природе скоростей больше скорости света. Все считают это доказанным фактом, настолько к этому привыкли.

– А разве это не так? – спросил я его.

– Нет. Есть основание считать, что групповая скорость торсионных волн является просто бесконечно большой. И их сигнал распространяется мгновенно. Их скорость в миллиард раз больше скорости света. Поэтому что от торсионных полей сигнал доходит до нас мгновенно.

– Вот как? – удивился я. – Значит, торсионные поля и есть поток времени?

– Не знаю, – ответил мне Егор, – но мне кажется, что торсионное поле и есть само время. Если его освоить, то можно остановить время, направить его вспять, или послать его в будущее и определить исход всех событий в космосе, который для нас сейчас неизвестен, потому что относится к нашему будущему.

– Поразительно! – воскликнул я. – Но что всё это даёт?

– Как что?! – воскликнул Егор. – Посредством торсионного поля я могу определить любой источник энергии. Я могу найти моих родителей в космосе, могу их выловить, как ты когда-то сачком вылавливал бабочек, летающих в воздухе.

– Ну, хорошо, – сдался я. – Выловишь ты энергию своих родителей из космоса, а потом, что будешь с ней делать.

– Само торсионное поле придаст им ту форму, в которой они покинули наш физический мир.

– Но как? – вскричал я.

– При помощи своей торсионной памяти, – спокойно ответил он мне.

– Значит, ты хочешь получить энергию из физического вакуума? – спросил я его, не веря своим ушам.

– Да, – ответил он, – и не просто энергию, а энергию моих родителей. Для объяснения своей теории гравитации, Ньютон называл физический вакуум эфиром. Я понимаю, что ты в праве усомниться в моём физическом уровне, когда я говорю о том, что я могу их энергию извлечь из эфира. Но ведь я общаюсь с ними. А это значит, что они живут рядом со мной, только я их пока не вижу.

– А что, если нам с тобой изобрести некое устройство, которое могло бы извлекать такую энергию из эфира? – вдруг неожиданно для себя я сделал ему предложение.

– Было бы неплохо, – согласился Егор, – но это не так просто сделать.

– Почему? – удивился я.

– Потому что физический вакуум – это очень сложная система. С одной стороны, оттуда как бы ничего взять нельзя, а с другой стороны там всего так много, что до конца исчерпать невозможно. Физический вакуум – это система с минимальной энергией. Но не надо забывать, что эта система является динамической, что она испытывает интенсивные флуктуации, иными словами, колебания. А вот если подсчитать энергию этих флуктуаций, то оказывается, что эта энергия равна бесконечности.

– Но как же получить энергию твоих родителей?

– А что такое смерть, или тот процесс, когда энергия души разделяется с энергией тела? Это разрыв связи между атомами в молекуле. Высвободилась какая-то энергия. Это та душа, которая воспарила в эфир. Таким образом, косвенным показателем эффективности разделения энергии, ориентированного на такой принцип, является легучесть высвободившегося вещества.

– Ты утверждаешь, что душа вещественна? – удивился я.

– Она такая же вещественная, как и наши тела в этом физическом мире.

– Вот оно что?! – воскликнул я. – И всё же мне не понятно, как душа отделяется от тела.

– Это происходит на более тонком уровне, чем горение вещества в атмосфере, – сказал Егор, – где разрушаются связи ни атомов в молекуле, а частиц в ядре атома.

– Ну и что всё это значит? – спросил я его.

– А то, что можно искусственно создать среду, через которую можно будет выловить из эфира души моих родителей.

– Ты считаешь, что это возможно?

– Да, я уверен в этом, только пока не знаю, что получится.

– Но как ты хочешь создать искусственную среду?

– Я хочу сделать такое устройство в виде двух пластин, вращающихся в противоположные стороны. С выводом из середины устройства антенны.

– Зачем тебе нужна антенна? – удивился я. – Ты хочешь с её помощью выловить из космоса тонкие сущности?

– Нет, – ответил он, – антенна мне нужна для того, чтобы создать вокруг нас торсионные поля, чтобы к ним были привлечены эти тонкие сущности. Антенна будет иметь двойное значение: ни как приёмник, а как радиопередатчик, но который работает ни на волнах, а на распространении торсионных полей.

– И где ты хочешь его установить?

– На крыше нашего дома.

– Ну, хорошо, – сказал я, – эта антенна будет вырабатывать вокруг себя торсионные поля, на которые будут клевать всякие блуждающие в эфире энергии и сущности. Что это нам даст?

– Мы сможем совершать скачки во времени. Мы встретимся с моими родителями, побываем в разных мирах, и может быть, даже попадём в будущее.

– А ты уверен, что эта антенна не привлечёт к нам разных чудовищ из других миров?

– Всё может быть, – согласился Егор, – но пока мы будем управлять этим устройством, мы сможем контролировать ситуацию. В любой момент мы сможем его отключить.

После школы я вернулся домой несколько ошарашенный всем тем, что услышал от Егора. Я не ожидал обнаружить, что он такой продвинутый в физике. Включив компьютер, я долгое время смотрел на экран, где в небе над городом летали изображения драконов с лицами родителей Егора. Вся моя затея с вызовом духов показалась мне бледной по сравнению с тем, что он мне рассказал в школе. Выключив компьютер, я отправился к нему. Он делал уроки, и мне некоторое время пришлось посидеть с его бабушкой на кухне. Она угощала меня чаем.

– Что вы задумали с внуком? – спросила она, пододвигая вазочку с конфетами.

– Что мы задумали? Ничего мы не задумали, – сказал я, глядя в её проникновенные глаза.

– Но я же вижу, что вы оба возбуждены. Внук ходит уже несколько дней сам не свой.

Я подумал, что у бабушки развита очень хорошо интуиция. К тому же я вспомнил, что на родине все её считали шаманкой. Я испугался, подумав, что она, наверное, способна читать человеческие мысли. Напустив на себя безразличный вид, я, стараясь оставаться спокойным, ответил ей:

– Ничего мы не задумали. Просто мы с ним поспорили, что важнее математика или физика. Он считает, что важнее всего физика, а я думаю, что математика. И каждый из нас решил друг другу это доказать.

– И как вы решили это доказывать? – спросила любознательная бабушка.

– Как, как? При помощи научных обоснований.

– Ну-ну, – задумчиво сказала она и стала смотреть в окно.

Мы некоторое время сидели молча.

– Скажите, – вдруг неожиданно для себя сказал я, – а вы верите в то, что на небесах могут жить ангелы и херувимы.

Она улыбнулась и сказала:

– В этом не сомневаются сейчас даже атеисты.

– А что? Души умерших людей превращаются в ангелов? – спросил я опять.

– Да, – ответила она задумчиво, – такое тоже может быть.

– А как это происходит? – спросил я её.

– Это сложный вопрос, – сказала она, – я думаю, что до конца этот процесс никому из людей не известен.

– А кому он известен?

– Вероятно, только Богу.

В это время в кухню вошёл Егор, закончивший свои приготовления к урокам.

– О чём говорите? – спросил он нас.

– Об ангелах, – ответил я.

– Как интересно, я тоже хочу послушать.

Он ел за стол, и бабушка налила ему чашку чая. Затем она села рядом с нами у окна и стала рассказывать.

– Весь мир заселён тонкими небесными сущностями, – сказала она, – но в разных местах они разные, так как они впитывают в себя традиции, культуру и привычки тех народов, среди которых им приходится находиться. В Палестине они принимают образы бесплотных существ, назначение которых служить единому Богу, воюя с его врагами, воздавая ему честь, неся его волю стихиям и людям. Они или исполняют назначение божье, или изменяют ему, и сами превращаются в его врагов и становятся бесами. Ведь за всем неживым живёт живое, каждый про-

цесс руководим чьим-то умом. Космос в каждой своей части заселён и трепещет от невидимых воль, сознаний, душ и богов.

Она повернула своё лицо к окну. И мы с Егором тоже стали смотреть в синее бездонное небо над нашим городком.

– Во всём мире, – продолжала говорить бабушка, – ангелов считают бесплотными умами. Они бестелесны и полностью нематериальны.

– Как физический вакуум? – спросил я её.

– Не знаю, – ответила она, – но думаю, что они обладают телом особого рода, так называемым «духовным телом».

– Духовное тело, которое может появиться только между торсионными полями, – вставил Егор.

– Не говори глупостей, – строго оборвала его бабушка. – Природа ангела обычно описывается через уподобление наиболее тонкого, лёгкого и подвижного в материальном мире. Оно подобно ветру, огню или свету.

Я повернулся к окну и стал смотреть на улицу. Там ходили прохожие. Проехало две или три машины. Женщина по краю проезжей части толкала впереди себя коляску с ребёнком. На этом участке дороги по обеим сторонам тротуара был спуск из двух каменных лестниц, поэтому женщине было трудно спускать коляску по лестницам, и она предпочла проезжую часть дороги. «Это может быть не безопасно для неё и ребёнка», – подумал я.

– Они спускаются на землю, – продолжала бабушка, чтобы быть посредниками между Богом и людьми.

– Так что же? Они инопланетяне? – спросил я её.

Бабушка кивнула головой и сказала:

– Можно сказать и так. Ещё древние люди говорили об их огненной природе, объясняя их субстанцию как всепроникающий и животворящий духовный огонь. Это – своего рода огненная пневма. До христианства их считали астральными божествами и даже приписывали их к небесным светилам, звёздам и планетам. Даже в христианстве, иудаизме и исламе их называли воинством небесным. Каждый ангел был соединён с одной из планет. Гавриил обитал на Луне. Рафаил на Меркурии.

– Я же говорю, что они – инопланетяне, – возликовал я.

– Всё не так просто, – заметила бабушка. – Многие теологи сравнивали ангелов с ветром и называли их духами. В одном из псалмов Ветхого Завета Бог Яхве говорит, что он шествует на крыльях ветров, в окружении своих служителей духов, подобно огню пылающему. Тела ангелов пропитаны светом. Они подобно звёздам излучают этот свет из себя. При дневном свете мы их не увидим, но мы можем не увидеть их и ночью. Ангелы являются только тем людям, которые готовы их увидеть.

Напрягая зрение, я стал всматриваться в прозрачный эфир улицы, и вдруг я увидел в воздухе блики. Их было много. Они стояли на мостовой и висели прямо в воздухе. «Что за чертовщина! – подумал я. – Неужели это и есть те тонкие сущности, которых желает привлечь к себе Егор?» На глазах у меня навернулись слёзы. Я заморгал и блики исчезли. Я не знал, что обо всём этом подумать. Только что я явственно видел перед собой духов. Я даже запомнил расположение некоторых из них.

– Баба, скажи, а у ангелов есть родственники на земле? – спросил Егор в это время свою бабушку.

– Это трудный вопрос, – ответила она, – вообще-то, ангелы находятся в родственных отношениях с самыми разными природными силами и социальными группами. Они управляют ими или защищают их. Есть хранители родников, растений, животных, небесных сфер, посылающих дожди, а также городов, народов, церквей и даже отдельных личностей.

– Я слышал, что у каждого из нас есть ангел-хранитель, – заметил я.

– Всё может быть, – согласилась бабушка. – Многие ангелы сопровождают нас на всём пути нашей жизни.

– А как они выглядят? – спросил я её.

– В четвёртом веке копский монах Пахомий, – сказала бабушка, – впервые введший для послушников монастырей рясу, скопировал её с одеяний, явившихся ему ангелов. Ангелы явились к нему в таких сияющих светлых одеждах, что в глазах у него потемнело, и они показались ему чёрными.

Я тоже видел очень сияющие блики, от которых у меня потемнело в глазах. Вероятно, это и были ангельские одежды, – подумал я. Я вспомнил, что один из ангелов даже нагнул над коляской женщины, в которой она везла ребёнка.

– Но у нас в городке даже нет церкви, – заметил Егор, – откуда же здесь взяться ангелам.

– Да, откуда? – поддакнул я.

Его вопрос был очень кстати.

– Ангелам не обязательно иметь церкви, – ответила бабушка, – их дом – небеса.

– И всё же? Как они выглядят? – спросил Егор, которого тоже заинтересовал мой вопрос.

– По-разному, – ответила бабушка, – судя по разным теологическим источникам, они предстают перед нами в человеческом облике, иногда имеют крылья, иногда нет. Для них крылья не обязательны, потому что они перемещаются в пространстве не как птицы, а как ангелы. Они соблюдают определённую моду, которую, вероятно, заимствуют у людей. При римлянах они носили туники, позднее в византийский период обряжались в роскошные одежды. Сейчас, возможно, их можно будет увидеть где-нибудь в современных костюмах и галстуках. В зависимости от того, как ведут себя люди, они предстают перед ними кроткими и мягкими или грозными с огненными мечами. Михаил обычно предстаёт в воинских доспехах. Правда, я не понимаю, зачем они ему нужны, потому что любого из нас он может раздавить как таракана. И мы ничего ему не сделаем. А средневековые доспехи на нём просто смешны.

– Он, наверное, надевает их для того, чтобы нас напугать, – сделал предположение Егор, – а может быть, просто, чтобы знали, кто к нам явился.

– Всё может быть, – кивнула головой бабушка и продолжила, – но мне кажется, что в основном Михаил сражается с драконом-сатаной. В схватке с драконом, вероятно нужны доспехи, меч и копьё. Архангел Гавриил чаще всего предстаёт перед верующими с цветком лилии, как символ непорочности. Рафаил представлен как защитник путешественников и паломников, поэтому часто появляется вместе со своим путником Товием. Херувимы же бывают двух видов. Одни преимущественно носят человеческую, львиную, бычью или орлиную голову, в зависимости от обстоятельств, в которых он находятся. Другие же перемещаются с помощью четырёх или шести крыльев, что их роднит с серафимами.

Егору надоело слушать бабкины сказки, он зевнул и, бесцеремонно встал из-за стола, объявив, что нам нужно заниматься.

– Идите, идите, – поспешила ответить бабка, – не теряйте времени на всякую ерунду. Я представляю, сколько вам нужно зубрить, чтобы осилить всю вашу школьную программу.

Я поблагодарил бабушку за угощение, и отправился вслед за Егором в его комнату.

Как только он закрыл за нами дверь, то тут же спросил меня:

– Ну, как? Ты мне поможешь построить ловушку торсионных полей?

– Помогу, – сказал ему, – но вот только ты мне скажи, когда мы её установим на крыше, кого притянут эти торсионные поля? Кто к нам придёт?

– Ко мне придут мои родители, – сказал Егор.

– А ко мне?

Егор пожал плечами и спросил сам:

– А кого ты хочешь?

– Я знаю, кого я не хочу, – ответил я. – Вдруг ко мне явятся те бабочки, которых я в кружке юннатов напяливал на иголки в наш общий гербарий. Что эти бабочки мне скажут. Спасибо тебе за то, что ты протыкал наши туловища? Так что ли?

Егор рассмеялся и сказал:

– Не хотелось бы.

– А как мы будем их сортировать? Это нам подходит, а это – нет? – спросил я его.

– Но об этом нам ещё рано говорить, – успокоил меня Егор, – давай вначале подумаем, как нам создать эту ловушку. Прежде всего, нам нужно остановить связь с энергетическими колебаниями (флюктуацией) физического вакуума.

Сказав эти слова, он вмиг сделался серьёзным и почесал свою макушку. Я заметил, что он при этом сделал вращательные круговые движения кончиками пальцев вокруг самого центра своего черепа. Это движение походило как бы на создание торсионного поля над его головой. Возможно, что когда-то святые подвижники таким методом добывались образования нимба свечения над их головами. В таком виде многие из них запечатлены на иконах. Егор в этот момент как бы превратился в другого человека, во взрослого, почти профессора с мудрой начитанной речью. Он опять оседлал своего конька и стал говорить мне следующее:

– Величина эквивалентной плотности энергии флюктуации, при этом, против термоядерной энергии обладает ещё большей эффективностью в 10 восемьдесят первой степени раз. Число, у которого в математике нет названия.

– И что это значит? – спросил я его обалдело.

– А это значит, что там, за этой флюктуацией таится другой мир, более могущественный, чем наш.

– Не может такого быть! – воскликнул я, не веря своим ушам.

– Именно так, – ответил Егор, – тот мир, куда, преображаясь, уходят все тонкие сущности, более огромен и совершенен, чем наш. Механика Ньютона ограничена для малых скоростей. Есть такие законы, которые можно положить в основу летающих тарелок. Я считаю, что можно создать летающую тарелку земного происхождения.

– Так тебе, тогда, нужно подать руководству завода рационализаторское предложение. И они начнут выпускать летающие тарелки, а не вертолёт, – пошутил я.

– Вот ты смеёшься, – сказал он, – а летающую тарелку сконструировать также легко, как наш вертолёт с двумя параллельными лопастями, вращающимися в разные стороны. Только вместо лопастей, нужно применить диски, а кабину с лётчиком необходимо поместить внутрь, между этими дисками. Вот и вся конструкция летающей тарелки.

– И как это до тебя никто не додумался до этого?! – воскликнул я.

– Почему же, – нисколько не смущаясь, парировал он. – Немцы об этом знали, но их разгромили в последней войне. Они и не стали выдавать никому своих секретов. Их механика была более продвинута, чем у Ньютона.

– Но ведь летающих тарелок нет, – заявил я, – всё это фантастические гипотезы.

– Это ты так считаешь, – сказал Егор.

– Так считают многие, – ответил я.

– Слава Богу, что не все, – сказал Егор, – многие не только видели их, но и побывали в них.

– Не верю! – закричал я. – Это – ложь. Я тоже могу сказать, что был на летающей тарелке и пил чай с инопланетянином. Где доказательства?

– Вот если ты захочешь пригласить какую-нибудь бродячую собачку в гости, угостишь её, а потом выгонишь на улицу. Какие у неё будут доказательства того, что она была у тебя в гостях?

Я начинал сердиться, и чтобы не разругаться с Егором, перевёл разговор на другую тему. Я спросил его:

- Это – правда, что твоя бабушка обладает даром ясновидения? Так говорят другие.
- Да, – просто ответил Егор, – когда мать с отцом собирались прыгать с парашютом, она в этот день очень отговаривала их. Она предупредила их, что произойдёт несчастье.
- Откуда она это знала?
- Я думаю, что всё из тех же торсионных полей, через которые можно видеть будущее.
- Как же она эта делает? – спросил я.
- Она переходит в состояние некоего изменённого сознания, перестаёт видеть окружающий мир и попадает в будущее, где уже всё свершилось. Она это знает, но, к сожалению, такие люди никак не могут повлиять на исход событий. Их просто никто не слушает.
- Так, значит, она может, благодаря своему сознанию, попасть в другой мир и контактировать с теми, кто вырос в другой цивилизации? – спросил я.
- Думаю, что она может делать это, – ответил Егор.
- Но как можно проверить, что она там побывала? – спросил я его.
- Только одним способом, – ответил Егор, – нам нужно побывать там самим.
- Значит, ты решил открыть новый мир? – уточнил я.
- Да, – ответил он, – и хочу пригласить в него тебя.
- А ты не боишься? – спросил я его.
- Чего? – удивился он.
- Столкнуться там с чем-нибудь страшным.
- Что такое страшное? – спросил меня Егор. – Если ты хорошенько подумаешь, прежде чем мне ответить, то обязательно придёшь к выводу, что страшное это то, чего мы не знаем, а поэтому и боимся. В природе нет ничего страшного. Есть опасное для нашей жизни. С этим я согласен. Но не страшное. Страшиться можно только за свою жизнь. А неизведанное нужно изучать. Так ты согласен шагнуть вместе со мной в новый мир?
- Подумав немного, я дал своё согласие.
- В таком случае, – сказал Егор, – давай двинемся вперёд, история никогда не отрицает старого, она его дополняет и развивает дальше. Только так развивается нормальная наука. Ты – математик, я – физик. Давай же объединим наши усилия на пути открытия этого нового мира. Это будет нашим новым шагом познания и представления о нашем мире.
- Что я должен сделать как математик? – спросил я его.
- Любая форма, любая неоднородность пространства приводит к возникновению торсионного поля, – сказал Егор, – а это означает, что вместо того, чтобы взять какую-нибудь сложно конструированную матрицу, мы просто выставим в небо нашу антенну, и будем наблюдать, какие торсионные поля вокруг неё соберутся, и что она выловит из космоса. Мы будем менять скорость вращения дисков, и записывать в нашей книге экспериментальные данные. Так мы настроимся на какую-нибудь волну, которая и откроет перед нами новый мир. Когда мы составим шкалу нашей ловушке и проверим на всех диапазонах, то мы изучим все структурные характеристики торсионных полей.
- И что будет дальше? – спросил я его.
- То, что я сейчас скажу, это, конечно, пока что моё предположение, – молвил Егор, переводя дух от волнения. – Но я думаю, что когда-нибудь на этой основе, мы с тобой сможем понять на определённом уровне, каким образом происходит так, что моя бабка без всяких приборов может входить в контакт с теми мирами и получать оттуда очень ценную информацию. Она знает больше, чем говорит мне. Считает меня ещё маленьким сосунком, который не способен понять, того, что является её прописной азбукой. Вот я и хочу этим экспериментом утереть ей нос, и сказать, что и мы с тобой не лыком шиты. Я знаю, что она получает знания прямо из космоса, но я не понимаю, как она это делает. Она сказала, что когда будет умирать, то передаст мне свои знания. Но я не хочу ждать её смерти. Я хочу сам получить всё сразу и

сейчас. Для этого у нас с тобой есть все физические основания. Мы создадим свою ловушку и установим на крыши нашего дома, и вот тогда посмотрим, кто кого научит.

– Что ты имеешь в виду?

– Сейчас в мире есть много явлений, которые не укладываются в общую картину мира, – сказал он, – они получили название психофизических. Я бы хотел понять, что происходит во время этих явлений. Многое происходящее не укладывается в объяснения обычной традиционной науки. Моя бабушка долгое время работала в филиале Академии наук и пыталась объяснить ученым те факты, которые выходят за границы их понимания. Но они не поверили ей и исключили из своего филиала.

– А что она пыталась им объяснить? – спросил я.

– Она хотела заставить их понять то, что вне компетенции их классической науки: физики, химии, биологии. Это – особенности тренировки необычных возможностей человека. Человек может делать гораздо больше, чем мы представляем себе. Например, человек может видеть вот в таком-то частотном диапазоне. Но сова видит в полной темноте в инфракрасном излучении, а кто-то может видеть в более широком спектре.

– А знаешь, – вскричал я и подскочил на стуле, – всего несколько минут назад, сидя на вашей кухне и глядя в окно, я вдруг увидел улицу, наполненную тонкими сущностями. Я видел их тени и движения. Один ангел даже наклонился над детской коляской, и забавлял малыша, играя пальцами на своих губах.

– Полно врать, – оборвал меня Егор, – я же говорю с тобой серьезно. Какие ещё у ангела могут быть пальцы и губы.

– И я говорю с тобой серьезно, – обидевшись, воскликнул я, – только почему-то ты думаешь, что я должен поверить в твои летающие тарелки, когда ты не веришь, что только что я видел на улице летающих ангелов.

Егор замолчал и засопел носом. Я опять почувствовал, что мы с ним вот-вот поссоримся.

– Хорошо, – сказал он, – давай на время забудем о летающих тарелках и ангелах, а поговорим о серьёзных вещах. Некоторые люди слышат голоса в очень высокочастотном спектре, никто им не верит, хотя в это время они, может быть, как раз разговаривают с ангелами, и могут общаться с тонкими сущностями. Я задаюсь вопросом, есть ли для нас непреодолимые границы, или мы способны их раздвигать? Я думаю, что посредством тренировки наших чувствительных органов, мы можем раздвигать мир, и постигать его сокровенные тайны. Для этого мы должны тренироваться. Если мы тренируемся, то начинаем слышать такие частоты, которые обычный человек не слышит, видеть такие спектры, которые не видны не натренированному глазу. И тогда невидимое становится видимым, а неслышимое – слышимым.

– Но зачем это нам? – спросил я его.

– Так мы можем видеть здесь картину, которая произошла три дня назад на этой самой улице.

– Хотелось бы в это верить, – буркнул я, – уж тогда бы ты не стал огульно утверждать, что я вру. Что я не видел того ангела, который забавлял младенца игрой на губах.

– Так ты хочешь научиться видеть прошлое? – перебив меня, спросил Егор.

– Но как это делать?

– Попытайся увидеть то, что произошло десять минут назад, – сказал он.

– Десять минут назад мы сидели с тобой на кухне, пили чай и слушали рассказ твоей бабушки об ангелах.

– Ты можешь это представить? – спросил он меня.

Я закрыл глаза и представил всё, что произошло на кухне. Открыв глаза, я сказал, что могу.

– А какого цвета был у бабушки чайник в руках? – вдруг спросил он.

– Не знаю, – ответил я. – Я не обратил на это внимания.

– Так попытайся вспомнить его.

Я опять закрыл глаза, но никак не мог вспомнить, какого цвета был этот злосчастный чайник.

– Ну, хорошо, – сказал Егор, устав от моей бесталанности. – Прекратим с этим. Давай, посмотрим, что ты можешь сделать в другой области. Вот, посмотри на меня, и скажи, какой группы у меня кровь.

– Ещё чего захотел! – воскликнул я с возмущением. – Я своей группы крови не знаю. Так мы ни до чего не договоримся.

– Тогда, может быть, через листок бумаги ты сможешь прочитать какой-нибудь текст?

Он открыл у себя на столе книгу и закрыл страницу листом плотной бумаги.

– Читай, – сказал он мне.

Я посмотрел на бумагу и опять возмутился.

– Как же я могу прочитать, – закричал я, – ведь бумага совсем не прозрачная.

– Через прозрачную бумагу и дурак сумеет прочитать, – заявил он.

– Что же ты от меня хочешь? – спросил я его. – Ты хочешь, чтобы я стал суперменом? Умел читать сквозь бумагу? Видел человека насквозь? Погружался в прошлое и предсказывал будущее? Но зачем? Ведь для этого нужно сделать эту тренировку своим образом жизни. Разве это интересно? Допустим, я приобрету какие-то пара нормальные физические качества. И что из этого? Я стану умнее? Удачливее в жизни? Избегу своей судьбы? Но зачем? Я не хочу возвращаться в бога. Я хочу оставаться человеком.

– А почему бы и не стать им? – возразил мне Егор. – Ведь кроме физического совершенства, которым постоянно занимается человек, он мог бы также развиваться, совершенствуя необычные восприятия сигналов своим мозгом. Человек постоянно должен достигать совершенства в своей работе мозга. Вот мы говорим: ум, тело, разум. Тело мы тренируем, а ум, хотим, чтобы он получал всё как дар божий. Так вот. Такого не бывает. Человек ничего не получает даром. За всем должен стоять напряжённый труд. Необычайные возможности человека становятся реальными. Пять чувств рождают шестое чувство. После шестого чувства можно приобрести седьмое, и так до бесконечности. Мысль человека материальна, её тоже можно слышать. Можно, не дотрагиваясь до человека, сдвигать его с места или парализовать его волю. На расстоянии можно передавать вкусы. Так можно попробовать лимон, и все будут чувствовать вкус лимона. Производя у себя какое-то чувство можно легко транслировать его другим людям, и те будут чувствовать такие же ощущения. Тот шестой канал чувств был традиционно присущ человеку, этот канал информационный.

– Зачем ты всё это говоришь? – спросил его я.

– Затем, – ответил он, – что всё это умеет моя бабка. А почему бы и нам не научиться этому?

– Твоя бабушка всё это умеет? – удивился я.

– Да, – ответил он.

– Значит, она – супер-бабка? Вот дела! – воскликнул я восхищённо, – Скажи, а она, случайно, не колдунья. А то я очень боюсь колдунов. Если она колдунья, то я перестану ходить к вам.

Егор рассмеялся и заметил:

– Любой может научиться делать то, что делает она. Если ты натренируешь своё ухо так же как она, то сможешь слышать чужие мысли.

– Значит, при ней лучше ничего не думать, – решил я.

– При ней или без неё. Всё равно она узнает, что у тебя в голове.

– Как? – удивился я.

– Всё при помощи той же тренировки.

– А у меня, вообще, со слухом – медведь на ухо наступил. Кто-то слушает классическую музыку, понимает её. Я же – не бум-бум. Да и разве можно понять язык музыки. Ведь каждый воспринимает её по-своему. Я понимаю, что музыка – произведение искусства, но я воспринимаю её как вариацию разных звуков и шумов.

– Вот видишь, – сказал Егор, – у каждого из нас есть ограниченные способности, и если их не развивать, то ничего нельзя добиться. Чувство прекрасного свойственно многим людям, но не всем. Развиваясь и совершенствуясь, мы постигаем не только секреты и премудрости, но и обогащаем себя чувством прекрасного. Тебе, как математику, не простительно не знать музыку, не чувствовать гармонию. Ты должен быть и музыкантом и художником, потому что числа, ритм, линия и расстояние должны быть для тебя, прежде всего, математическими символами и величинами.

– Живопись?! – воскликнул я. – Я тебе не эстет, чтобы таскаться по картинным галереям, закатывать к потолку глаза, и восклицать: «Ах! Как прекрасно! С ума сойти можно!»

– А зря, – улыбнувшись, сказал Егор. – Любая картина, нарисованная художником, это тоже совокупность каких-то линий. Поэтому любая картина, помимо чисто психологического эффекта восприятия, как зрительный образ, она ещё воздействует на человека своим торсионным полем, совокупной структурой тех линий, которые образуют эту картину. Тот художник, который рисовал эту картину десять лет или больше, пока он её рисовал, он воздействовал на неё своим торсионным полем. Все краски поляризованы под спином и повторяют структуру поля того художника, который её рисовал. Когда мы подходим к картине великих художников, которая ещё не закончена, то мы, оказывается, испытываем действие трёх факторов: чисто эмоциональное, как восприятие зрительного образа, это восприятие торсионного поля, связанного с формой, и восприятие торсионного поля того художника, который эту картину рисовал. Он передает через эту картину торсионное поле самого себя. Меня всегда интересовали художники, которые рисовали абстрактную живопись из области тонкого мира. Эта новая русская живопись, никогда не встречавшаяся ранее.

– Я не собираюсь становиться художником, – заявил я.

– Ну и зря, – ответил мне Егор, – в каждом из нас живёт художник, музыкант, артист, философ, скульптор. Всё это имеется в зачаточном состоянии. Каждый человек может родить в себе другого человека.

– А я слышал такую поговорку: «Art longa brevis vita est. – Искусство вечно, жизнь коротка». Это нам припадали на уроке латыни. Если всю жизнь чему-то учиться, то, когда же жить?

– Можно жить наполнено, – возразил мне Егор, – и жить можно вечно.

– Я что-то не верю в вечную жизнь, – сказал я.

– И зря, – ответил Егор.

– Но возьмём, к примеру, твою бабушку. Если она такая крутая, то ты думаешь, что она будет жить вечно? И никогда не умрёт?

– Да, я так думаю, – ответил он. – Когда придёт её время, она просто изменит свою форму и вознесётся на небо. Тело нам дано, как змее – кожа. Мы оставляем свои бренные останки в этом мире и возносимся в иной, более совершенный мир. Куда, кстати, могут попасть не все. На земле идёт естественный отбор.

– Об этом я уже слышал, – ответил я. – Церковники говорят, что туда попадут только избранные. Но всё равно, все они пройдут через земную смерть. Что и требовалось доказать. Человек смертен, и никто мне не докажет, что на земле можно жить вечно.

– Почему же, – опять возразил мне Егор, – можно поменять свою оболочку и опять вернуться на землю.

– Как это? – удивился я. – Ты хочешь сказать, что можно стать другим человеком? Переродиться? Об этом я тоже слышал. В это верят буддисты. Они думают, что постоянно пере-

рождается, и даже озабочены тем, как выйти из круга перерождений и попасть в нирвану. Мне в это верится с трудом.

– И зря, – опять заявил Егор, – наше торсионное поле неуничтожимо. Мы можем распасться на молекулярном уровне, но та энергия, которой мы наполнены, и которая составляет нашу истинную сущность, только высвободится из оболочки, но никуда не исчезнет. Она будет жить независимо от тела. И если ей нужно будет найти какую-нибудь другую оболочку, она её обязательно отыщет, не важно, преобразится ли она в человека, в бабочку или в попугайчика. Эта вечная энергия нашего торсионного поля летуча и невидима, но перетекает из одной формы в другую. Когда-то она возникла и уже никуда не денется из этого мира, никогда не исчезнет, потому что она обрела наличие в реальной вечности. Мы можем её назвать душой, распылением тонкой плазмы, придумаем ей тысячу названий, но от этого ей не станет ни холодно, ни жарко. Как она существовала, так и будет существовать вечно. Всё, что проявилось в этом мире, уже никуда не исчезает, оно просто видоизменяется.

– Ты так говоришь, – прервал я его, – что можно подумать, что наша энергия подобно электричеству, и распространяется по миру, куда ей захочется, подобно молнии.

– Так оно и есть, – сказал Егор. – Торсионные поля создали тысячи миров, в которых они живут, творят и благоденствуют.

– Так значит, – воскликнул я, – они могут создать свой мир в Интернете.

– Они уже его создают, – ответил Егор.

– Нет, – перебил я его, – я имею в виду ни то, что ты думаешь. Скажи, эти торсионные поля, они могут жить в Интернете независимо от нас, обрести свой искусственный разум, создавать что-то независимо от нас, и действовать помимо нашей воли? Например, я своим торсионным полем создал какое-то произведение, может ли оно стать независимым от меня?

– Так оно и случается в жизни, – сказал Егор. – Автор создаёт своё произведение, которое потом живёт своей жизнью. Он как бы рождает своего ребёнка, который потом всё уже делает самостоятельно.

– Вот оно что?! – воскликнул я, вспомнив о своих драконах и ангелах, которых я разместил на своём сайте в небе над нашим городком.

– Скажи, – опять воскликнул я возбуждённо, – а могут ли они влиять потом на нашу жизнь?

– Все торсионные поля в той или иной мере влияют на нашу жизнь. Земля крутится вокруг своей оси, сменяются дни и ночи, луна вращается вокруг земли, происходят приливы и отливы. Зима сменяется летом, сон бодрствованием. Всё это влияние торсионных полей. Ты видишь на соседней парте девочку, которая тебе нравится, дома ты не можешь уснуть, думаешь о ней. Её торсионное поле действует на тебя и не отпускает ни на минуту. Любовь, любая эмоция – это и есть влияние торсионного поля.

– Любовь меня не интересует, – заявил я, подозрительно посмотрев на него. – Меня интересует, сможет ли созданный мной образ реализоваться в действительности и вмешиваться в наши дела.

– Смотря, какой образ ты создашь, – ответил Егор. – История знает случаи, когда такое дитя уничтожало своего отца.

– Но ведь можно своё творение держать всегда под контролем, – сказал я.

– Если не выпускать джина из бутылки, – ответил он. – Как только ты отпускаешь его на волю, но уже тебе не принадлежит. Оно живёт своей самостоятельной жизнью.

Я почесал затылок, и тут же поймал себя на том, что повторил жест Егора, который постоянно создаёт торсионное поле вокруг своей головы.

– Не нужно забывать, что мы ещё не взрослые, – наконец привёл я свой последний аргумент, – поэтому мы не можем знать всего.

– Ошибаешься, – опять возразил мне Егор, – как раз в нашем возрасте мы и должны узнать всё, потому что наше видение мира ещё не затуманено ошибками тех, кто идёт уже всю свою жизнь по неправильному пути. Наш взгляд ещё не затёрт заблуждениями, а наши уши не засорены всяким словесным мусором, мешающим слышать истину. Только мы можем видеть ещё истинное положение вещей. Если ты не веришь мне, то почитай Библию. Там сказано, что истину зрит ребёнок. Я боюсь, что мы уже староваты для этого, слишком многому нас учили те, кому самому стоило бы поучиться.

– Тебе хорошо говорить, – сказал я, – потому что у тебя есть бабушка, которая может тебя всему этому научить.

– Бабушка как раз не собирается меня этому учить, – возразил он.

– Это почему? – удивился я.

– Она считает, что при жизни человек не может познать истину. Как только он её познаёт, Бог его сразу же прибирает к себе. Поэтому она меня старается как можно дальше держать от истины. Она меня любит, и хочет, чтобы я пожил подольше.

– А сама-то она её знает.

– Я думаю, что она к ней приближается. Как только она получит её, так тут же и предстанет перед Господом.

«Как он быстро поумнел, – подумал я, – ещё совсем недавно был совсем желторотым юнцом, двух слов не мог связать, я сейчас так и сыплет своими теориями как академик. С чего бы это? Наверное, влияние его бабки. А может быть, он уже раскрыл какой-нибудь секрет, который в одночасье сделал его таким умным? Вот бы и мне разузнать этот секрет. Тогда не нужно было бы сидеть над домашними заданиями. Я и так знал бы всё без зубрёжки. Но, тем не менее, Егор делает какие-то домашние задания. Когда я пришёл к нему, он готовился».

Мы ещё некоторое время поговорили, и я ушёл. Вернувшись домой, я первым делом уселся за компьютером. Открыв сайт, некоторое время смотрел на драконов и ангелов, летающих в небе над моим карманным городком. На этот раз они мне показались лубочными и совсем не живыми. Я вышел на балкон, и долгое время вглядывался в небо, пытаясь обнаружить там хоть какие-то тонкие сущности, но их нигде не было видно. Некоторое время я лупил свои моргалки на прохожих, прогуливающих по улице, вспоминая, как, глядя из Егорова окна на кухне, видел ангела, играющего с младенцем в коляске. Я попытался опять напрячь зрение, но на этот раз у меня ничего не получилось. От этого только на глазах опять выступили слёзы. «Нет, – подумал я, – там, на кухне у Егора, что-то произошло необыкновенное. Может быть, рядом с нами была его бабка и как-то повлияла на меня своими колдовскими чарами. А может быть, я возбудился, слушая речи Егора, и мне представилось, что я вижу на улице ангелов».

Вернувшись в свою комнату, я упал на кровать и долго смотрел на потолок. В моём воображении ничего не возникало, а мне так хотелось, чтобы что-то произошло. Но, наверное, я был к этому ещё не готов. Ведь, как говорил Егор, нужно тренировать свои чувства, и тогда можно будет читать чужие мысли и погружаться в далёкие миры. Когда мне надоело лежать, я встал и опять сел за свой компьютер.

Драконы и ангелы летали по небу, как будто их ничего не касалось. Их можно было сравнить с золотыми рыбками в аквариуме, не проявляющих никаких эмоций, никак не влияющих на окружающую среду. Они не проявляли своего интереса ни ко мне, ни к тому, где они находились. Они даже ничем не питались. Мне это не нравилось.

Пользуясь возможностями моего компьютера, я сделал всех их полупрозрачными. Получилось чуть лучше, но всё равно, всё это было не то, чего я хотел. Я сделал их почти видимыми, пытаясь добиться такой же степени неясности, как тогда, когда я видел летающих ангелов на улице из окна кухни Егора. Но даже это состояние не оживляло их. Тогда я их превратил в

лёгкие туманности, стало непонятно, облака проплывают по небу или ангелы. Я добился того, что они превратились у меня в солнечные блики, но и тогда свет не прибывал им жизни.

Несколько часов я экспериментировал на экране, и всё равно они превращались в подобие некой дешёвой игры, которыми сейчас забиты все программы. Мне было этого совсем не нужно, потому что я решил оживить этих призраков, да так, чтобы они шагнули прямо в мою реальность. Совсем отчаявшись, я заштриховал их тела, превратив в своеобразные торсионные поля. Так они перемещались по экрану, подобно торнадо и небольшим завихрениям. Я опять лёг на кровать и стал смотреть в потолок. «Интересно, – подумал я, – а как они будут разговаривать? Ведь, чтобы с ними общаться, нужно слышать их речь». Можно было, конечно, их озвучить, как это делается в играх. Но, всё равно, всё это выглядело примитивно. Здесь нужна была другая технология.

Некоторое время я лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в тишину. Я не слышал никаких голосов. Правда, голоса доносились с улицы из открытого окна. Но это были не те голоса. Это были голоса обыкновенных прохожих. Женские голоса звучали звонко, а мужские – глухо. Было не понятно, о чём они говорят. Я не мог различить даже их речь, уже не говоря о том, чтобы научиться читать чужие мысли. Я ничего не мог...

Не знаю, сколько я так пролежал, но меня сморил сон. И снилось мне, что я проснулся и вышел на балкон. Перед моими глазами открылся прекрасный мир, и даже не один, а множество миров. Небо не было синим, как днём, ни розовым, как утром или вечером, и даже не чёрным со звёздами, как ночью. Оно было разных цветов, и всё заполнено мирами. И земля со сквером и домом, и балкон, на котором я стоял, походила на огромный космический корабль, который летел мимо этих миров. И каждую минуту открывался передо мной новый прекрасный мир. Я стоял как мореплаватель на капитанском мостике и вглядывался в глубину Вселенной, наполненной жизнью.

В каждом из этих миров я видел уголки очаровательной природы, экзотические растения и животных, водопады, ущелья и горы, огромные моря и безводные пустыни. Это походило на мечту, манящую меня из новых областей. Я видел прекрасные цветы и огромных красочных бабочек, порхавших над этими цветами. Высокие травы, подобные лесам. Глядя на это великолепие жизни, я понимал, что это запретные миры для людей, куда вряд ли мы попадём при жизни. Но мы двигались в эти миры вместе с нашим кораблём, именуемым землёй.

Я видел лица прекрасных существ, похожих на людей, но это были не люди, более совершенные существа, похожие на нас. Это были боги. Их образы сияли своей божественной красотой. Они были властителями тех далёких миров. Их лика излучали свет, благородство и такую добрую энергию, что мне захотелось быть рядом с ними. Среди них, вероятно, было очень много женщин, потому что только женское начало может обладать такой красотой.

И вдруг мне показалось, что эти миры находятся не в глубине Вселенной, а рядом со мной, здесь на нашей Голубой Планете, и этой рай совсем не похож на далёкие миры, а напоминает близкие уголки земли, которые я мимолётно видел на экране телевизора, и совсем забыл их. И лица мне показались знакомыми, как будто я их видел раньше, нет, не при жизни, а ещё до моего рождения.

И вдруг я услышал за своей спиной голос Егора. Он говорил:

«Мы сейчас подошли с тобой к кардинально близким канонам. Если ты сейчас произнесёшь звук «А», это – что такое? Это уплотнение воздуха, которое как волна передаётся в пространство. Но это уплотнение имеет вполне определённую форму в пространстве и, следовательно, порождает торсионное поле».

хотел обернуться, но не смог. Как будто неведомая сила сковывала все мои движения. Егор же тем временем, продолжал говорить:

«Когда я говорю, то звуковая волна уносит от меня с собой торсионное поле вдоль траектории движения. Поэтому тогда, когда мы читаем в Библии, что вначале было слово, то мы можем чётко понимать, что за этим стоит вполне определённая структура торсионного поля».

Я не выдержал и воскликнул:

– Что же это такое? Что за миры?

И его ответил мне:

«Это я решил показать тебе красоту и этого мира».

– Но разве это возможно? – воскликнул я.

«Как видишь, мне это удалось» – ответил он.

– Так это ты пытаешься внушить мне эти ведения своей волей? – догадался я.

И он мне ответил:

«Да. Объективно существуют люди, которые действительно эти поля видят. И видят их не глазами. Их спинные структуры мозга воспринимают торсионное поле. Эта картинка формируется здесь в голове. И не важно глаза открыты или закрыты. И не важно, темно или светло. Это сейчас приобрело некий технологический смысл. Возьмём, к примеру, слепых. Кстати, более девяносто девяти процентов зрячих тоже являются слепыми, потому что они не видят этот мир. И даже когда они на него смотрят, то не воспринимают его таким, какой он есть на самом деле. Поэтому можно сказать, что наш мозг связан с миром через торсионные поля. Это и называется внутренним видением. Можно считать торсионные эти поля с чужого мозга. При этом тот человек даже не будет открывать рта. Можно, вообще, с закрытыми глазами прочитывать книги, лежащие на столе нераскрытыми. Так вот ещё один очень важный фактор, который из этого вытекает, заключается в следующем, что некоторая структура поля находится внутри нас. И если эта структура не содержит никаких дефектов, то внутри нас никакими внешними воздействиями её изменить нельзя. Любые действия могут быть скорректированы этой полевой структурой. Но если только произошли какие-то изменения в этой части полевой матрицы, то в результате этого неотвратимо даже без всяких внешних воздействий, неотвратимо начнутся изменения вначале на молекулярном уровне, потом на клеточном уровне и, наконец, это дойдёт до нормально диагностируемого заболевания. Если мы научимся контролировать это базовое структурное поле, торсионное поле человека, то мы могли бы выявлять отклонения в его структуре, осуществлять диагностику, это диагностика предболезненная, и скорректировав структуру этого поля, мы могли бы не допустить, чтобы что-то у человека могло возникать. Поэтому человек может не только не стареть, но и не умирать, иными словами обрести бессмертие, имея то или иное тело, сохранив его на века. Кроме этого, в зависимости от слов и букв мы получаем торсионные поля. Это распространяется и на мысли. Всё, что мы думаем, порождает торсионные поля, которые излучаются вовне. Торсионные излучения людей, которые занимаются медитацией, похожи на лучи солнца. Может возникнуть и коллективное торсионное поле целого народа, обладающее огромной силой. Но такое торсионное поле может создать один человек, если научится использовать свой мозг на все сто процентов, а не на пять, как это он делает сейчас. Возможности человека неограниченны. Человек способен летать и светиться как ангел, потому что в его голове есть всё то устройство, чтобы из него получился ангел».

Усилием воли я заставил себя повернуться и увидел, что в моей комнате стоит бабка Егора и говорит со мной его голосом. В ужасе я вскрикнул и проснулся.

В комнате никого не было. Я лежал на спине лицом к потолку. Окно было открыто. С улицы по-прежнему доносились шаги и голоса прохожих. Двое мужчин разговаривали внизу под нашим балконом. Но их слов я разобрать не мог. На моём столе горел экран компьютера, на котором перемещались тени драконов и ангелов. Я встал с кровати и сел за стол. Мне показалось, что движущиеся по экрану тени позеленели, может быть, оттого, что падающий свет

из окна чуть изменился. На наш городок набежала тучка. Я посмотрел на часы, прошло всего двадцать минут, как я уснул.

«Что это было? – наконец подумал я. – Почему мне привиделся такой странный сон?» Может быть, я попал под влияние Егора, а ещё хуже, если это были колдовские чары его бабки. Но, может быть, бабка контролирует самого Егора. Отчего он так быстро сделался умным? А если бабка контролирует уже меня, и внушает такие сны.

В глубине моего сознания я почувствовал страх. Страх неизвестности. Неизвестность всегда пугает. Я сел к открытому окну, и стал смотреть на улицу. Прохожие шли через сквер в разных направлениях как муравьи. Был конец рабочего дня. Многие возвращались с работы. Вскоре должны прийти мои родители. Когда они были дома, я всегда делал вид, что очень занят, или уходил из дома. Они мне не мешали. Я делал то же самое. Учился я не лучше, но и не хуже других. Вел себя в школе и на улице пристойно. Так что с их стороны нареканий в мою сторону не было. Я жил своей жизнью, они – своей.

Вдруг среди прохожих я увидел Катю. Она училась в нашем классе, и сидела на две парты впереди меня справа. Окна в нашем классе располагались слева, и свет всегда падал на её затылок, светлые длинные волосы и левую щеку. Я иногда украдкой наблюдал за ней. Она была выше меня ростом, и, казалось, не замечала меня. Конечно же, у неё была стройная сформировавшаяся фигура молодой девушки, а на меня она смотрела как на подростка, на мальчика-грушу. У меня не было бицепсов, и на физкультуре я не мог даже подтянуться на кольцах. Где уж было ей меня заметить! Она была красавицей. И многие мальчишки в школе вздыхали по ней. И я любил её, только никому не признавался.

Куда же она идёт? На ней спортивный костюм. Идёт, наверное, в спортзал. Она играет в баскетбол. У неё хороший рост и, наверное, как считает Егор, хорошее торсионное поле. Что-то он там заикнулся о любви, и я ему сразу ответил, что любовью я не занимаюсь. Но если быть откровенным, я ему солгал. Нравится она мне. Но я ни разу не пытался обратить на себя её внимание. Я даже не пробовал с ней заговорить о чем-нибудь интересном. Разговоры наши касались лишь бытовых тем. Ну, скажем: одолжи там мне учебник, или покажи, как решается та задачка.

Да. Она относилась ко мне как к пустому месту, или как к назойливой мухе. Поэтому я боялся её. Любил и боялся. Я бы дорого отдал, чтобы завоевать её дружбы. Ушла. Скрылась из виду. Пошла кидать мяч в корзину. Вот бы мне изучить торсионные поля и научиться попадать мячом в корзину с центра поля. Тогда бы она обязательно обратила на меня внимание.

В прихожей раздался шорох. Пришла мама с работы. Она вошла ко мне в комнату и спросила, голоден ли я. Я ей сказал, что уже поел. Хотя я ничего не ел с обеда. После того, как я видел Катю, у меня всегда пропадал аппетит. Наверное, от волнения.

Я выключил компьютер, раскрыл учебники и некоторое время читал.

Затем пришёл отец, и мы втроём сели за стол. Мама всегда готовила быстро, потому что покупала в магазине полуфабрикаты. Я, как всегда, сидел за столом задумчивый, они разговаривали о чём-то своём. Их разговоры меня не интересовали. Когда отец спросил меня, что нового в школе, я сказал ему, что в школе ничего нового не бывает, всё всегда остаётся по-старому. Сказал ему, что получил четвёрку по тригонометрии.

– Почему не пятёрку? – спросил меня отец.

– Ты бы и тройки не получил за эту работу, – ответил я ему.

Отец рассмеялся и добродушно сказал:

– Это верно. Давненько я не брал в руки учебник по тригонометрии.

После ужина я ушёл в свою комнату и сделал вид, что делаю уроки. Однако меня всё время тянуло к окну. Мне хотелось узнать, закончились тренировки в спортзале или нет. Наконец, я не вытерпел, вышел к родителям и сказал, что немного пройду. Они смотрели теле-

визор в зале. По вечерам они всегда смотрят телевизор. Они ничего не делают, только смотрят все программы подряд. Я не знаю, сколько для этого нужно терпения.

Я вышел на улицу и направился к спортзалу. Школа и спортзал находились недалеко от нашего дома. Я прошёлся под окнами спортзала. Слышались удары мяча и девчачьи крики. Там ещё играли. Катя входила в нашу школьную сборную команду. Они тренировались по четыре раза в неделю, часто выезжали на соревнования, и иногда даже побеждали. Я не стал заглядывать в окна, они располагались высоко от земли. Пошёл в сквер и уселся на скамейку. Я знал, что по этой дорожке должна пройти Катя. Это был её постоянный маршрут. Некоторое время я так сидел, ждал, и вдруг услышал за спиной голос Егора:

– Привет. Ты что здесь делаешь?

– Сажу, – ответил я.

– Я вижу, что ты сидишь. Кого-нибудь ждёшь.

– Совсем нет, – встрепенулся я, – с чего ты взял?

– Ни с чего, – спокойно ответил он, присаживаясь рядом со мной, – прости, спросил.

Некоторое время мы сидели молча.

– Как хорошо так посидеть на скамейке, – нарушил тишину Егор, – когда город успокаивается. На всё сходит такое умиротворение.

– Да, – сказал я ему.

– Не охота ни о чём говорить, не думать, – сказал он.

И я подумал, что он иногда бывает неплохим парнем, когда не умничает, не начинает говорить как профессор, освобождается от влияния своей бабки. Он становится таким же, каким был прошлым летом, простым и обаятельным.

Я посмотрел на него с симпатией и спросил:

– Послушай. Час назад ты не пытался мне что-нибудь внушить?

– Нет, – ответил он удивлённо, – а что произошло?

– Ничего, – ответил я. – А чем ты занимался?

– Делал чертеж нашего будущего с тобой инструмента по созданию торсионных полей.

То, о чём мы говорили с тобой сегодня.

– А бабушка что делала? – спросил я.

– Вязала мне свитер, – сказал он. – Она всегда вяжет мне всякие вещи: носки, варежки, свитера. Но я никогда их не ношу даже зимой, в них очень жарко. А она всё равно вяжет их как паук, говорит, что так нервы себе успокаивает. Но нервы у неё и так как стальные тросы. Ничто не может её вывести из себя. Я думаю, что это просто один из её методов медитации. А почему ты интересуешься этим?

– Да нет, так, – сказал я. – Просто спросил.

– Что-нибудь произошло? – опять задал он мне вопрос.

– Ничего не произошло, – ответил я ему.

– А я уже кое-что придумал, – сказал он с вдохновением. – Машина получится замечательной.

– Какая машина? – спросил я его рассеянно, потому что увидел, что в конце аллеи появилась Катя со спортивной сумкой.

Она всегда ходила одна.

– Как, какая машина! Ты, что же, разве забыл. Наша машина времени, которая будет создавать вокруг себя торсионные поля. Но, как ни крути, она всё равно своим видом похожа на летающую тарелку. Ты знаешь, я нашёл чертёж одного немецкого инженера из «Анэнербэ», того самого, что сконструировал для германского Вермахта секретный летающий аппарат с двумя вращающимися дисками. Его звали Виктор Шаубергер. Принцип работы двигателя Шаубергера очень прост. Его работа, как раз, построена на использовании торсионных полей...

Катя приближалась к нам. И я очень хорошо чувствовал обаяние её торсионного поля. При её приближении моё сердце замирало, и готово было остановиться. Я уже не слушал Егора, а смотрел только на неё. Она гордо держала свою красивую голову, и выступала вперёд уверенной походкой царицы. Она прошла мимо нас, даже не посмотрев в мою сторону. Я по-прежнему оставался для неё пустым местом.

– Так ты мне поможешь? – донеслись до меня слова Егора.

– В чём? – спросил я его.

– Ты что? Меня не слушаешь? – обиделся он.

– Слушаю, – сказал я, – извини, немного отвлёкся.

Егор посмотрел вслед Кати и сказал:

– Симпатичная девочка.

– Что ты в этом понимаешь?! – напустился я на него.

– Я? – сказал он. – Ничего. Просто сказал, что она – симпатичная девочка. Если красавица, то любой парень скажет: красавица. Что здесь понимать?

– Ну ладно, – примирительно сказал я, – о чём ты говорил?

– Поможешь мне соорудить это устройство?

– Помогу, – сказал я, думая совсем о другом.

– Для этого нужно-то достать два двигателя. Можно даже электрических. Попросить какого-нибудь алкоголика, чтобы он вынес с завода. Там, я слышал, для ширпотреба делают стиралки. Так вот. Двигатели от стиралки подойдут. Дадим ему пару бутылок водки, и он вынесет их нам. Основанием можно сделать железную крышку от колодца. Сопрём где-нибудь ночью, и поднимем на крышу. К ней и приварим электродвигатели. И к ним припаём тазы.

– Какие тазы? – не понял я.

– Обыкновенные тазы, в которых стирают бельё. Их можно поискать на свалке. Но лучше всего достать новые. Можно стянуть дома, или накопить денег и купить их в магазине. Это очень важные детали для машины, потому что они как раз и будут создавать торсионные поля. Останется дело за малым. Приварить всё, и везде проложить изоляционные прокладки, чтобы не было замыканий. Выведем наружу антенну. Ты умеешь варить?

– Только яйца всмятку, – ответил я рассеянно.

– Да нет же, – вскричал Егор, – знаком ты с электросваркой?

– Откуда? – развёл я руками.

– Тогда нужно будет нанимать сварщика, и платить ему. Можно сэкономить на наших обедах. Или заработать денег разносом телеграмм.

– Слушай, – сказал я ему, – а можно с помощью торсионных полей научиться попадать мячом в корзину с центральной площадки?

– Всё можно, – сказал он, что-то подсчитывая в уме.

– Хорошо, – сказал я ему, – тогда я достану тебе денег.

– Где ты их достанешь? – удивился Егор.

– Скажу родителям, что полетел на компьютере жёсткий диск. Они дадут мне денег на ремонт. В этом они мне не откажут. Эти деньги мы и используем на твою машину. Только обещай мне, что я научусь забрасывать мяч с середины поля.

– Обещаю, – обрадовано сказал он мне.

Мы поднялись с нашей скамейки и отправились по домам. Солнце клонилось к закату. Дома мои родители по-прежнему смотрели телевизор.

На следующий день я объявил родителям, что полетел жёсткий диск, и мне нужны деньги для ремонта. Сделал я это потому, что во время последнего урока мне пришлось испытать муки унижения ни от кого-нибудь, а от самой Кати. Учительница объясняла урок, во время которого Катя решила передать по цепочке записку одной своей подруге, которая сидела на задней парте. Я взял записку из рук сидящей на соседней парте другой девочки, и протянул

руку, чтобы передать её дальше, как услышал окрик учительницы. Она довольно резко сказала мне:

– Георгий, тебе бы лучше слушать мои объяснения, чем передавать любовные записки.

Я смутился и спрятал записку в карман, при этом я невольно посмотрел на Катю, которая смерила меня своим презрительным взглядом. До конца урока я так и не посмел вытащить эту записку из кармана. Когда прозвенел звонок, и все стали собираться домой, Катя подошла ко мне и, не говоря ни слова, протянула ко мне руку ладонью кверху. Я положил в неё эту злощастную записку. Она демонстративно порвала её и отошла к той подруге, которой эта записка предназначалась. Если бы она обозвала меня идиотом, или ещё каким-либо обидным словом, это было бы мне не так тяжело, как испытать на себе её презрительное молчание. Этим жестом она красноречиво показала своё отношение ко мне. Домой я шёл, как в воду опущенный, вечером объявил родителям о поломке компьютера. Чтобы выглядело всё реально, я отвинтил его крышку и вынул один блок. Мои родители всё равно не разбирались в компьютерной технике. Отец выдал мне требуемые деньги и сказал, чтобы я взял у мастера квитанцию за ремонт. На другой день я опять включил компьютер, а квитанцию изобразил прямо на нём. В этом деле я был большим мастером.

Деньги я отнёс Егору, который очень обрадовался. Он сказал мне, что побывал на свалке за городом и нашёл треножник.

– Слушай, – предложил он мне, – а почему бы нам вместе не отправиться на свалку?

– А что я там забыл? – сказал я.

– Там столько валяется интересных приборов и всякого металлолома, что можно собрать целый самолёт. Ты даже представить себе не можешь, какие интересные вещишки я там откопал. Целыми машинами вывозится всякий мусор с завода. После школы я иду туда, и возвращаюсь с полным рюкзаком разных деталей. Их применения я, конечно, не знаю, но зато включаю свою фантазию и сообразительность, чтобы смастерить нашу машину времени, и нахожу всему этому удачное применение. Ты не поверишь, но завод специально выбрасывает все детали на свалку для того, чтобы я смог смастерить нашу летающую тарелку. Я уже отказался от тазов и люков колодцев, потому что уже нашёл, чем их заменить. Материал намного легче и прочнее. Я работаю по схемам и чертежам того немца Шаубергера. Помнишь, я тебе о нём рассказывал. Так вот, кое-что я в его расчётах усовершенствовал. Я решил поставить внутри этого устройства легкий аккумулятор, как в машине. Представляешь? Диски будут вращаться и постоянно заряжать его. Получится как бы вечный двигатель – перпетуум-мобиле. Он будет работать вечно, пока конструкция не износится и сама собой не распадётся. Но дай мне слово, что ты никому не разболтаешь о нашем изобретении.

– Зачем мне разбалтывать о нём? – сказал я сумрачно.

– Пусть это будет нашим секретным оружием, – сказал Егор, – я даже решил поместить его на крыше, замаскировав под параболическую антенну. Пусть все думают, что у нас на доме стоит спутниковая антенна. Я хочу её разместить над нашим балконом, чтобы протянуть к ней электропроводку прямо из квартиры.

– А что тебе говорит твоя бабушка?

– Ничего она не говорит. Она не знает о нашей работе. И ты ей не проболтайся. Все детали я храню на чердаке. Кстати, у меня есть к тебе просьба. Твой отец работает на заводе, у него, наверняка, есть в библиотеке учебники или пособия по электротехнике и прочим работам. Ты не попросишь его принести их мне? Мне нужно освоить некоторые специальности по сварке, сборке, электромонтажу.

Я сказал ему, что пороюсь в библиотеке отца. На этом мы расстались. Я вернулся к своему ожившему компьютеру и стал колдовать над своей карманной моделью нашего городка. Мне пришла в голову мысль: «Если у Егора получится летающая тарелка, а что если попробовать научиться управлять ею с компьютера?» Некоторое время мы работали каждый в своей

области. Егор совершенствовал своё устройство, я создавал на компьютере свою сказочную модель мира.

Прошло несколько дней, когда мы, увлечённые каждый своим трудом, даже не виделись и не разговаривали. После долгих трудов мои ангелы и драконы стали постепенно оживать. Они уже не выглядели как дешёвые лубочные картинки. Драконы научились смеяться и гримасничать. Ангелы принимали разные позы, мимика их лиц тоже оживала, как в рисованных мультфильмах. Я стал к ним привязываться и даже полюбил свои создания.

Моё мастерство художника улучшалось с каждым днём. Я сам удивлялся открывающимся во мне талантам. И в какое-то время стал подозревать, что именно математика помогла мне становиться художником. Она развивала мою фантазию. Математик, если он овладевает математикой Лобачевского, способен творить такие фантастические формы, от которых захватывает дух. С помощью математики можно просчитать весь мир, проникнуть в любые секреты. Я стал догадываться, что именно математики являются пионерами всех открытий. Именно они угадывают те скрытые от человеческого глаза вещи, которые существуют в мире. Они творят образы новых вещей, будь то машины, скрытые физические явления или будущее представление о мире. Они просчитывают время. Весь мир наполнен их цифрами и символами. Именно они угадывают то, что должно быть. И можно сказать, что математики проектируют нашу жизнь. Они – истинные художники нашей жизни.

Что же представляют собой физики?

Я задумался над этим вопросом, и тут же в моём воображении всплыло лицо Егора, моего названного мной тёски.

Так что же представляют собой физики?

Егор хочет при помощи своих торсионных полей осуществить некие идеи и образы. Если эти образы уже существуют, он может при помощи энергии торсионных полей наполнить их жизнью, иными словами, оживить. Он может придать воображаемым вещам объём и их наличие в реальности, то, чем, занимаются скульпторы. Если я оживляю свои образы в некоем виртуальном гиперпространстве, то он может оживить этот образ уже в физическом мире, а значит, создать некую живую плоть. Но если будет создана такая плоть, то обретёт ли она душу? Ведь, что бы мы с ним не сделали, каких бы успехов мы не добились, мы не властны вдохнуть в свою произведение души. Такую душу, которую имеет человек. Вероятно, это под силу только самому господину Богу.

Но даже если это и так, то мы можем создать живую субстанцию, а душа просто может в неё войти по своим естественным законам. Ведь когда рождается ребёнок, никто не знает, имеет он с самого начала свою душу, или душа вселяется в него уже потом, когда он появляется на свет. Боже, как много неразгаданных тайн в природе!

Я посмотрел на часы. Начиналось Катино время. Она должна была пройти мимо моего дома на тренировку в спортзал. Я захватил свою цифровую камеру и выскочил на улицу. Я решил, как математик изучить её образ. Но, прежде всего, мне нужно было запечатлеть его на камеру. Когда она появилась на дорожке сквера, я, собрав всю свою волю в кулак и укрепив дух, встал со скамейки и пошёл ей на встречу, полный решимости. Не доходя нескольких шагов, я вытащил камеру из-за пазухи и стал её быстро фотографировать. Обычно она проходила мимо, не замечая меня, но тут она посмотрела на меня гневно и сказала.

– Но ты, придурок, что ты вообразил из себя?

Мне было больно слышать эти слова, но я продолжал снимать её со злым ожесточением.

– Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? – произнесли её сладкие уста. – И зачем ты это делаешь?

– Я хочу немного улучшить твой образ, – смело заявил я, – чтобы ты была не такой злой, жестокой и высокомерной.

Это заявление вызвало у неё удивление, которое я тут же зафиксировал. Она посмотрела на меня своими широко раскрытыми глазами и спросила:

– И как же ты собираешься это сделать?

– Я создам для себя совсем другой образ и оживлю его. Это будет вторая Катя, но она будет доброй, приветливой и не заносчивой.

– Но разве я заносчивая? – удивилась она.

– А ты выдела себя со стороны? – спросил я её.

– Нет, – ответила она. – И как же ты собираешься оживить второй мой образ?

В её тоне я почувствовал чисто женский интерес.

– Это уж моё дело, – ответил я.

– Но ты же не Бог, – сказала она, и в первый раз я увидел её улыбку, обращённую ко мне.

Я опять щёлкнул аппаратом и заснял её улыбку. Камера мне придавала уверенность в себе и смелость. Я чувствовал себя немного нахальным фоторепортером. То, что я только что ей сказал, я не осмелился бы никогда сделать в своей жизни, и даже после этого я не осмелился бы это повторить.

– Да, не Бог, – ответил я, – но вот мне удалось сделать уже невозможное. Ты впервые улыбнулась мне.

– И где ты так научился клеиться к девушкам? – вдруг сказала она, рассмеявшись.

И я увидел, что это была уже другая Катя, начало того прообраза, который я собирался оживить.

– Ну ладно, – сказала она, – мне некогда с тобой болтать, а то я опоздаю на тренировку.

Лицо у неё было уже совсем не злое и не высокомерное. Она пошла дальше, а я остался на том же месте, где стоял. Я почувствовал, что что-то произошло. Что-то важное и грандиозное в моей жизни. Я поборол свою робость и впервые смело и с достоинством поговорил с девушкой, которая мне нравилась ещё с первого класса. Это было даже не достижение моё, а самое настоящее геройство.

Я поспешил домой, унося с собой дорогой моему сердцу запечатлённый на камере образ, и тут же ввёл все фотографии в мой компьютер. Я увидел три образа девушки моей мечты. Один был строгий, сердитый и надменный, похожий на Незнакомку с картины Серова. Второй казался удивлённым, но уже более человечным и близким. И третий предстал передо мной как самый привлекательный и желанный.

Это была моя Катя, которую я тайно любил с первого класса. И тут пришла мне в голову мысль, если бы я сообразил проводить её до спортзала, то она бы не отказала мне, и наши отношения получили бы развития. Я бы продолжал говорить ей что-нибудь умное, она бы слушала меня и, возможно, после нашего разговора стала бы уважать меня. Во всяком случае, она бы больше не смотрела на меня как на пустое место. Но я упустил эту возможность, я не сообразил, что нужно было делать. Как говорят: куй железо, пока горячо. Но, а может быть, я бы всё только испортил, если бы пошёл её провожать. Она же не предложила мне: А не проводишь ли ты меня до спортзала? Но с другой стороны, разве девушки сами предлагают парню ухаживать за ней. Парни сами должны догадываться, что делать. Какой же я дурак!

В этот вечер я, любуясь фотографиями Кати, одновременно и радовался и злился на себя, ругал себя за то, что не сообразил проводить её. Вечером, ложась спать, я долго не мог заснуть, думая о том, как я завтра встречу с ней в школе, и что скажу ей. Несколько раз ночью я вставал с постели, включал компьютер и, глядя на фотографию Кати, говорил ей нежные слова. И её глаза смотрели на меня испытывающим взглядом. Она жила уже в моём доме, её торсионное поле витало возле моей кровати у изголовья, там, где стоял компьютер.

На следующее утро я со страхом шёл в школу. Я боялся увидеть её вновь. Вчерашняя выходка казалось мне сном. Как это у меня хватило храбрости подойти к ней, сфотографировать, да ещё что-то ей говорить. И она мне отвечала. Я говорил ей всякую глупость, в которую

верил сам, а она приняла мои слова за шутку, и даже оценила мой юмор, которого в моих словах совсем не было. Я говорил ей то, что думал. А она приняла это за моё остроумие. Как всё удачно получилось! Но сегодня совсем другое дело, если вчера я говорил с ней как во сне, и со мной всё происходило как в сказке, то сегодня я проснулся в реальности, и между нами не было ничего кроме голого пространства. Да, вчера я спрятался за камеру и расстреливал свой страх, как из ружья, и мне, благодаря этому, удалось побороть свою робость. Но сегодня я опять робел перед ней, потому что тайно и уже явно любил её. Наверное, по моему виду можно было увидеть это. Подойдя к школе, я бегом поднялся к своему классу и почти столкнулся с ней в дверях.

– Ну, как? – спросила она, как ни в чём не бывало. – Сделал фотографии?

От её слов сердце ушло у меня в пятки. Я что-то промямлил. Я совсем не был готов к встрече с ней. Я не ожидал увидеть её в этот момент. Я не смог сказать ей ничего умного. Я опять превратился в придурка рядом с ней. В того, кем она считала меня раньше. И её реакция была соответствующей. Вначале она посмотрела на меня удивлённо, а затем её взгляд принял тот же надменный вид, с которым она смотрела на меня раньше, как на пустое место. Всё опять вошло в свои границы. Я стал придурком, а она – опять недоступной красавицей. Я опустился на своё место, как в воду опущенный. На переменах она уже не обращала на меня никакого внимания.

Придя домой, я открыл в компьютере Катины фотографии и долго ими любовался. Мне не хотелось делать из неё ни ангела, ни царицу, я хотел её сохранить такой, какой она была. Катя для меня всегда оставалась неприкосновенной, и внешне я никак не хотел её менять, надеялся только на её внутренне изменение, и то только по отношению ко мне. Я подумал: «Вот если бы при помощи торсионных полей можно было бы сделать как бы вторую Катю, её копию, точно такую же, но немного подбрее, и чтобы она могла любить меня. Но разве можно из одного человека сделать двоих. Если даже рождаются близнецы очень похожие друг на друга, то, всё равно, они имеют разные души, всё равно, по сути своей это разные люди. Как же сделать так, чтобы мой образ, который я желаю получить, реализовался в этом мире, чтобы в нём были все те качества, которые дороги моему сердцу. Я долго всматривался в милые черты её лица и вспомнил даже строки стихов поэта из нашей школьной программы: «Свет ночной, ночные тени, тени без конца. Ряд волшебных изменений милого лица».

В школе на примере русской литературы нас готовили к великой любви для вступления в большую жизнь. Но учителя совсем не думали о том, что великая любовь уже может прийти на школьной скамье, и никто нам не объяснял, что нам делать, когда это случается. Я не знал тоже, что мне делать. Под влиянием Егора в моей душе возникло сокровенное желание реализовать свою мечту в действительности. Он каким-то образом хотел вернуть с того света своих родителей, а я тоже хотел получить желанного человека – Катю. Я не знаю, как он собирался это сделать. Но если бы у него это получилось, то и я смог бы, не сумев завоевать любви настоящей Кати, раздвоить её и приобрести лучшую её часть, пусть в другом, срисованном с неё образе, но чтобы это было существо из крови и плоти таким же, как сама Катя. Я, наверное, совсем рехнулся от любви. Но и Егор тоже был помешан на любви к родителям. Так что нас обоих двигала к этому опасному эксперименту наша любовь.

2. Рисовальщик и аниматор

Мучаясь и не находя ответов на свои вопросы, я направился к Егору. Бабушка и Егор опять пригласили меня к столу на чашку чая. Мы говорили о всякой ерунде, наконец, я, собравшись с духом, коснулся темы, которая занимала меня весь этот день. Я спросил бабушку, можно ли оживить человека, которого придумал сам.

Бабушка посмотрела на меня своим пронизательным взглядом и спросила строго:

– Кого ты собираешься оживить?

– Ну, – замялся я, – просто абстрактную идею, созданный в моём воображении образ.

– Такие случаи были в истории, – сказала она, – древнегреческий скульптор Пигмалион так создал из слоновой кости Галатею, и влюбился в неё. Он обратился с мольбой к Афродите, и та вдохнула жизнь в статую.

– Но может ли это произойти на самом деле? – спросил я, чувствуя, что у меня в горле перехватывает дыхание.

– В этом мире всё может произойти, – спокойно ответила старуха, верящая в разные чудеса.

– Если использовать торсионное поле, то можно что хочешь превратить во что угодно, – опять попытался оседлать своего конька Егор.

Но я ему не дал развить свою мысль вопросом, обращённым к его бабушке:

– А были другие случаи, когда оживляли человека или создавали искусственных людей? Я не имею в виду фантастику о Франкенштейне.

– Сколько угодно, – ответила старуха. – Известны случаи создания искусственных рабов у евреев. С помощью своего изотерического учения каббала они оживляли мифическими средствами глиняных истуканов. Но в этой практике таится определённая опасность. Бог сотворил Адама тоже из глины, вдохнув в него жизнь. Но это был сам Господь, а разве человек может сравниться с самим господом Богом. Человеческие искусственные произведения всегда получаются неполноценными. Только то, что он рождает естественным путём, совершенно, потому что не противоречит воле Господа. Скоро люди научатся производить совершенных роботов, но им всё равно будет очень далеко до человека, потому что жизнь человека всегда одухотворена, а машины работают бездушно.

– Но при помощи торсионных полей в эти произведения всё же можно будет вдохнуть душу, – возразил ей внук.

– Не знаю, – сказала она, – я не сильна в физике. Но думаю, что все эти эксперименты не безопасны для нашего мира. Я думаю, что мы не всегда должны вмешиваться в то, что уже создано в этом мире и принадлежит не нам. На всё есть божий промысел.

– Скажите, – спросил я её, – а как конкретно древние люди вдыхали жизнь в неодушевлённые вещи и субстанции?

– При помощи слова, – ответила бабушка.

– Я же говорил, – сказал Егор, – что слово обладает большой торсионной силой. Говоря слово, мы создаём колебание звука и соответствующее торсионное поле. Если мы вкладываем в это торсионное поле определённый смысл, то оно становится уже не просто звуком, а очень сложным спином, который напоминает семя, матрицу того образа, несущего в себе живую жизненную энергию.

– Разве это так? – воскликнул я, глядя с недоверием на бабушку.

– Не знаю, – сказала она, – возможно, что так оно и есть. Человек при помощи своего слова управляет миром. Ведь и Господь при помощи слова создал мир. Об этом говорится в Библии. Там сказано: «Вначале было слово».

– Я же сказал! – воскликнул Егор. – Почему ты мне не веришь? Не считаешь меня авторитетом?!

– Но как же так? – развёл я руками. – Это получается какая-то фантастика. Сказал слово, и получилась вещь. В это очень трудно поверить.

– И тем не менее это так, – сказала бабушка, – по преданию древнегреческий бог Птах именно так создавал вещи на земле. Он задумывал их в своём воображении, и они возникали в реальности.

– А люди?! – вскричал Егор. – Разве они не задумывают вначале самолёты, танки, дороги, мосты, города? Ведь как они задумывают, так всё и происходит.

– Но это другое дело, – сказал я ему, – после этого они строят всё своими руками. Но как из неживой природы создать живую?

– Люди со своей наукой, тащащиеся черепашным шагом, скоро додумаются и до этого, – горячо заявил Егор, – нам же некогда их ждать. Мы можем их не дожидаться до конца своей жизни. Нам надо спешить.

– Куда спешить? – спросила бабушка, подозрительно посмотрев на нас.

– Спешить думать, – тут же поправился Егор, – чтобы не тащиться в ногу со временем, а уйти вперёд.

Бабушку, как видно, удовлетворил этот ответ. Она не стала уточнять, куда мы с Егором собирались спешить. Она сказала только:

– Оживить можно всё. Потому что всё в природе живое. Всё обладает своей скрытой энергией. Потому что все мы состоим из одного и того же материала. Даже камень и тот одушевлён. Он имеет положительную или отрицательную энергии. Но он находится в спячке, в полном покое. Но если ему нужно будет куда-то переместиться, то ему не обязательно иметь ноги, он просто способен сорваться с места и лететь туда, куда ему понадобится.

– Например, в голову врага, – уточнил Егор и рассмеялся.

– Может и так, – согласилась бабушка. – Ведь, что такое эмоции?

– Это тоже торсионные поля, – перебив её, заявил Егор.

– Эмоции охватывают не только человека, но и всё его окружение. Человек хватается камень, который тоже проникается его эмоцией. И насколько сильны будут эти эмоции и желание человека поразить цель, настолько точно этот камень попадёт врагу в голову.

Это было для меня весьма ценное замечание. Я сразу же подумал о своём броске мяча в кольцо.

– Всё оживает под воздействием этих эмоций, – продолжала говорить бабушка, – человек может во время засухи вызвать дождь, если он очень этого захочет.

– И даже влюбить в себя другого человека, если даже тот совсем его не любит? – спросил я, не в силах сдержаться.

– И такое ему под силу, – согласилась бабушка.

– И оживить своих родителей? – спросил её Егор.

– Не знаю, но лучше будет оставить мёртвых в покое, – сказала бабушка и задумалась.

Все замолчали. И я почувствовал некую неловкость между нами, повисшую в воздухе. Чтобы не заикливаться на ней, я спросил бабушку о том, как евреи оживляли своих рабов-гигантов. Однако мой вопрос не услышали ни бабушка, ни Егор. Они молчали.

– Почему? – спросил её Егор. – Почему я должен оставить мать и отца в покое.

– Потому что они очень далеко отсюда. Они попали в другой мир, и сами не могут вернуться к нам. Они будут нас ждать. И если мы будем их просить вернуться к нам, то им от этого будет только плохо. Они любят тебя, переживают о тебе. Нам нужно, наоборот, молиться за упокой их душ, говорить им, что у нас всё благополучно, чтобы они не переживали за нас и спокойно ждали с нами встречи.

Егор насупил и сказал:

– Это ты говоришь так от своего бессилия. Ты их не можешь вернуть. Зато я смогу сделать это.

Не говоря больше ни слова, он встал из-за стола и ушёл в свою комнату. Я хотел за ним проследовать, но бабушка удержала меня, сказав:

– Оставь его одного. Пусть немного поплачет, ему станет легче.

Она налила мне ещё одну чашку чая. Я думал, что она забыла мой вопрос, но она сказала мне следующее:

– Древние египтяне знали секрет оживления человека, ведь не даром они строили свои пирамиды. Они обладали очень высокой наукой и секретами превращения неживого в живое. Они оживляли мёртвых, могли заменить одни их органы на другие. К этому мы сейчас только подходим. А в те времена наука была более развита, чем у нас. Евреи, находившиеся у них в плену, проникли в эти секреты и, уйдя в свою землю обетованную, пользовались ими. Иисус Христос мог оживлять людей, об этом говорится в посланиях апостолов.

– Я слышал, что и у вас есть такая сила! – воскликнул я возбуждённо. – Почему же вы не смогли оживить родителей Егора?

Старуха посмотрела на меня печальными глазами, немного помолчала и сказала:

– Я пыталась это сделать. Но мне не хватило сил. Я стала слишком стара.

– Но ведь шаманы оживляют людей, – сказал я.

– Всё зависит от силы духа. Если у человека сильный дух, то можно совершать такие чудеса, которые и не снились людям. Жаль, что мой внук полагается только на технику. При помощи одной техники ничего нельзя сделать. Я знаю, что он хочет вернуть родителей при помощи техники, но это абсурдная идея. Можно оживить любой комок грязи, но какая душа в него войдёт, нам не ведомо. Лучше всего не трогать тот мир.

– Почему? – удивился я. – Ведь вы говорили, что евреи создавали искусственно людей.

– Я не сказала людей. Они создавали рабов – големов, исполинских гигантов, которые могли на них работать по субботам, когда сами они по закону не должны были прикасаться ни к какой работе.

– Как же они их делали? – удивился я.

– Очень просто, – отвечала она, – лепили из красной глины человеческую фигуру, имитируя действия Бога, и оживляли её либо именем Всевышнего, либо словом «жизнь», написанным на её лбу. Фигура эта должна была иметь рост десятилетнего ребёнка. Но это создание не было человеком, потому что не имело души и не говорило. Оно быстро росло и достигало исполинского роста и невероятной силы. Оно послушно выполняло любую работу. Но со временем человек терял контроль над этим существом, и оно его уничтожало.

– Неужели это происходило на самом деле? – не поверил я.

– Об этом говорят многие исторические источники, – сказала старуха. – Кроме того, написано много художественной литературы о големах такими писателями как Гофман, Мейринк, Чапек.

Я посидел ещё некоторое время со старухой на кухне, а затем отправился в комнату Егора.

Егор совсем не плакал, он сидел за толстой тетрадью и что-то в неё записывал.

– Хочешь, – сказал он мне, – я тебе покажу наше изобретение?

Я кинул головой.

– Тогда полезли на чердак.

Мы вышли на лестничную площадку и по железной лестнице поднялись на чердак. Там было уже темно, потому что на город спускались вечерние сумерки. Егор осветил фонариком закуток, и я увидел в нём готовую летающую тарелку. Она была небольшая, но самая настоящая. В ней невозможно было поместиться, но при желании туда втиснулись бы кот или собака.

– Ты, что же, хочешь на ней полететь? – спросил я его.

– Это не для этого, – ответил он мне, – с её помощью мы создадим над городом торсионные поля и сделаем червячные коридоры для перехода в другие измерения.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я его.

– А то, что мы начнём делать чудеса, – ответил он, – правда, я ещё не знаю, какие. Но там нас ждёт очень много интересного.

– Где там? – уточнил я.

– По ту сторону нашей реальности.

– Ты хочешь сказать, что мы попадём в другую реальность?

– Можешь это называть, как хочешь.

– Но как мы вернёмся обратно?

– Если нам там понравится, то зачем возвращаться обратно.

– Это меня не устраивает, – твёрдо заявил я. – Я не хочу никуда исчезать, ни от моих родителей, ни из школы, ни от компьютера, ни...

Я здесь осёкся и чуть не назвал имени Кати.

– Да, ладно, – рассмеялся Егор, – я пошутил. Я сам не собираюсь там нигде оставаться. Мы обязательно вернёмся. Впрочем, мы с тобой никуда и не денемся. Я так думаю. Мы останемся тут же, просто другой мир сам придёт нам на встречу.

– Как это? – не понял я.

– Всё, что мы с тобой задумаем, мы можем реализовать в своей жизни, здесь, прямо в наше время. И никуда не нужно будет путешествовать. Мир сказочный соединится с нашим реальным миром.

– Как же это ты сделаешь? – удивился я.

– Это мы с тобой сделаем, – поправил он, – мы познаем суть времени глубже, отправившись в путешествие во времени.

– Но разве это можно?

– Ещё как можно. Мы же с тобой вечны, как вечно всё в этом мире.

Мне захотелось его спросить: «Будет ли там Катя?» Но я не посмел. Между тем, Егор продолжал:

– Мы с тобой, благодаря этому аппарату, спрессуем время, мы сожмём его спиральную пружину торсионными полями. Нынешний очередной виток времени совместится у нас с прошлым и будущим. Время в нашем городке станет единым и неделимым. Я увижу своих родителей, а ты сможешь сделать так, что твоя девушка тебя полюбит. Больше никто не умрёт в нашем городке. Наоборот, многие люди встанут из могил и вернуться к нам с кладбища. Они оживут и больше никогда не будут мертвецами. И их никогда не нужно будет бояться. Мы сумели с тобой проникнуть в сущность времени, так сейчас это время нам нужно употребить в свою пользу.

– Ты понял, что такое время? – спросил я его с сомнением.

– Никто не знает, что такое время, – ответил он, – и мы с тобой никогда этого не узнаем. Потому что нам только кажется, что мы знаем время, но как только мы начинаем задумываться над ним, то тут же понимаем, что абсолютно ничего о нём ни знаем. Но это не важно.

– А что важно? – спросил я его.

– Важно то, что мы сможем использовать его суть для себя и с его помощью влиять на сущности окружающего нас мира.

– Но как начнёт действовать этот прибор?

– Как только мы его запустим, то он тут же начнёт создавать и накапливать вокруг себя мощное торсионное поле. Он будет собирать из вакуума и накапливать другие торсионные поля. Время вокруг него начнёт сжиматься и прессоваться. Появится невидимое уплотнение времени, где всё начнёт происходить по-своему. Но не бойся, мы будем всё держать под кон-

тролем, если нам что-то не понравится в окружающем нас мире, мы тут же его отключим. И всё вернётся на свои места. Уплотнение рассосётся, всё войдёт в своё русло, время потечёт своим обычным чередом.

– И куда же денется это уплотнение? – спросил я его.

– Оно растворится в вакууме. Вся энергия утечёт от этого аппарата. Мы окажемся в том времени, с чего всё начали.

– Значит, ты утверждаешь, что всё это безопасно, а вот твоя бабушка придерживается другого мнения.

– Что понимает бабушка?! – воскликнул Егор. – Её взгляды уже устарели. Мы с тобой живём в новом тысячелетии, а её вся жизнь прошла в старом. Перед нами открываются совсем другие возможности, ни то, что были у неё. Мы можем создавать любые условия на нашей планете. Нужно только экспериментировать. Вселенная приблизилась к нам вплотную, только протяни руку и ухватишь любую тайну. Давай, поднимемся на крышу.

Я не возражал. Через слуховое окно мы выбрались на крышу. Была уже ночь и на небе светили яркие звёзды. Шифер за день нагрелся и был ещё тёплым. Мы улеглись на козырьке слухового окна, всматриваясь в глубину Вселенной.

– Вот он, весь мир перед нами, – сказал Егор, – физика – точная наука, и она всё знает, что творится во Вселенной, конечно, с помощью математики. Но у нас с тобой почему-то получается всё наоборот. Это ты, как математик, должен подавать мне идеи и рисовать фантастические проекты, я же должен их только исследовать и проверять их возможность применения. Мне кажется, что у меня подвижнее воображение, чем у тебя.

– Наверное, так оно и есть! – признался я. – Я – плохой математик.

– Не говори ерунды! – заявил Егор. – Ты же хороший компьютерщик, и научил меня многому. Если бы не ты, то вряд бы мне удалось развить так моё воображение и научную интуицию.

– Так и бывает, – ответил я, – когда ученик обгоняет в знаниях и мастерстве своего учителя. Но я этому только рад. Значит, мои старания не пропали даром.

– Это уж точно! – воскликнул Егор. – Ты посеял семена в благодатную почву. Я тебе очень признателен. Ведь вся наука строится на предположениях. В моём компьютере была одна визуальная заставка в системе музыкального произведения. Называлась она «Частица: вращающаяся частица». Очень интересная штучка. Где создаётся квадрат, некая прозрачная плоскость из перемещающихся частиц. Эта плоскость создаётся, разрушается, перемещается, видоизменяется. Всё это находится в постоянном движении, пока играет музыка. Я подолгу смотрел на эту подвижную материю, состоящую из множества частичек света, и понял основную суть нашего мира. Во-первых, что пока течёт время ничто не стоит на месте, во-вторых, все эти частички подвижны и никуда не исчезают. Они находятся в одном и том же месте, только они создают разные формы и конфигурации. Из этих частичек света и состоим мы с тобой, и бабушка, и мои родители. И всё зависит от того, какая играет музыка. Музыка и есть наше время. И мы можем стать с тобой искусными музыкантами, если научимся управлять этим временем.

Над нами сверкали далёкие звёзды. И Егор, показывая на них, сказал мне:

– И эти далёкие светила тоже посылают нам свои сигналы. Главное состоит в том, чтобы мы научились их слушать и понимать. Это как звучание голоса в общем хоре. Очень важно его услышать, потому что он несёт нам тайну, которую никто никогда не знал на земле. И вот, если ты её услышишь, то сможешь сделать для нашего человечества что-то полезное. Эти звёзды, как те частицы на экране компьютера, то распадаются, то вновь собираются в какие-нибудь плоскости, называемые галактиками, и звук от них доносится до нас мгновенно. Это не тот звук, который распространяется в нашей атмосфере, и который можно обогнать на сверхзвуковом истребителе. Звёздный звук – это торсионный звук, который сразу же реализуется в нашем восприятии. Мы можем уже не видеть, где находится, скажем, эта звезда, потому

что свет от неё идет долгие световые года, а услышать её своим внутренним восприятием, мы можем мгновенно. Потому что между этой звездой и нами нет ни времени, ни пространства. Любой скрежет Вселенной, любая царапина тут же делает отметину в нашем мозгу, потому что наш мозг напрямую связан с Вселенной. Когда мы стоим или идём, наш мозг физически больше всего приближен к космосу, чем остальное наше тело.

– А когда мы лежим? – спросил я улыбнувшись.

– А когда мы лежим, или, ещё лучше, спим, он вообще погружён в космос.

– Когда мы испытаем твою установку? – спросил я его.

– Можно завтра вечером, – сказал он.

И я вспомнил, что завтра днём у нас будет урок физкультуры в зале, и мне придётся опять мучительно демонстрировать перед всеми моими одноклассниками своё несовершенство и физическую слабость.

– Вечером мы с тобой установим его на этом самом месте, прикрутим болтами к козырьку слухового окна, я опущу электропровод в свою комнату, подключу к розетке и мы начнём вхождение в новый мир.

Мы ещё некоторое время поговорили о всякой всячине, и отправились по домам спать.

Урок физкультуры у нас проходил в спортзале, как обычно. Все мы сделали несколько физических упражнений. Затем учитель предложил нам разбиться на две команды и сыграть баскетбольный матч. Я уже хотел сесть на скамейку, как я это делал всегда во время таких игр, но учитель приказал мне занять место в поле. Ребята взяли меня с большим неудовольствием. Катя играла за соперничающую команду. Она, как самый сильный игрок, всегда была в нападении. Раздался свисток судьи, и мяч был брошен в игру. Катя его тут же ловко поймала, обвила всех и забросила в нашу корзину. Счёт был открыт. Как и в школе, она смотрела на меня как на пустое место. Дважды она проскакивала между меня, и я ничего не смог сделать, чтобы её остановить. На третий раз, проходя мимо меня, она ловко задела меня корпусом, и я растянулся на полу под взрыв общего смеха. Это меня обидело. Я встал, и некоторое время стоял как истукан. Игроки нашей команды проигрывали, и у всех от этого портилось настроение. Катина команда оказалась очень сильной.

– Ну что ты стоишь, – крикнул мне кто-то со стороны из нашей команды, – двигайся живей, закрывай проход.

Я попробовал бежать, но все мои движения были столь неуклюжими, что я уже собрался плюнуть на всю, уйти в раздевалку и больше никому не показываться на глаза. Но вдруг, каким-то чудом, мяч оказался у меня в руках. Я стоял посреди поля, рядом со мной почти никого не было.

– Ну что ты держишь этот мяч, – заорали все наши, – передай его кому-нибудь.

– Что стоишь, как олоуп?! – крикнул мне капитан команды.

Эта реплика меня разозлила. Услышав её, я не захотел никому отдавать этот мяч. Я бросил его в сторону Катиной корзины. И, о, чудо! Мяч оказался в корзине. Как это получилось, я не мог этого объяснить. Но я забил свой первый гол. Я сам поверить в это не мог. Все, видя такое, только ахнули. Я опять увидел удивлённые Катинины глаза. Никто мне ничего не сказал, ни поздравил, ни похвалил. Все приняли это как случайное попадание. И тут я вспомнил слова бабушки, когда она рассуждала об одухотворённости камня, когда тот летит в голову врага, с комментариями Егора про торсионное поле вращающегося предмета. И я вдруг понял, что если очень захотеть, то можно легко попасть в цель. Главное в этом деле – очень захотеть, чтобы это желание передалось мячу. А я очень хотел обратить на себя Катинино внимание.

Второй мяч я забросил также издали почти в бессознательном состоянии. Я даже не мог объяснить причину этих попаданий. Я бросаю мяч, он сам летит и укладывается в корзину. Некоторые из моих товарищей посмотрели на меня с уважением. На этот раз я даже услышал реплику: «Молодец!» В Катином взгляде уже не было удивления, а только интерес ко мне. Тре-

тий мяч был кинут мной аж со штрафной площадки нашей половины поля. Сделав невероятную траекторию, он опять угодил в корзину. На этот раз все захлопали в ладоши. Такого ещё никто не делал в истории нашей школы. Все приняли меня как полноценного игрока, я проигрывал в движении, но выигрывал в точности броска с дальнего расстояния, и ещё не известно, чьё мастерство было ценнее для игроков. На этот раз меня стало уже опекать несколько игроков из Катиной команды. Я часто ловил на себе её настороженный взгляд. Я почувствовал, что стал её достойным соперником.

Так как я начал отвлекать на себя определённые силы команды, то наши игроки всё чаще стали проходить к кольцу на других участках и забрасывать голы. Но как только меня оставляли без внимания, и в мои руки попадал мяч, он тут же оказывался в корзине. Так я сделал и четвёртый, и пятый и шестой бросок. Счёт не только выровнялся, но мы даже повели в игре. Наши соперники тоже напрягали свои силы. Игра стала очень интересной, я слышал уже Катины недовольные возгласы, обращённые к своим игрокам, допускаявшим ошибки. Катя уже смотрела на меня как на равного ей в игре. Это придавало мне силы и ещё больше виртуозности в забрасывании мячей. Матч закончился в нашу пользу. Мы выиграли. Я стал настоящим победителем. Я это чувствовал и был на седьмом месте от счастья.

Когда мы выходили из раздевалки, Катя, проходя мимо меня, заметила:

– А ты неплохо играешь. Что-то раньше за тобой я этого таланта не замечала.

– Ты многих моих талантов не замечаешь, – сказал я спокойно.

– Где ты научился так закидывать мяч?

– Тренируюсь, – ответил я.

– Если хочешь, – заметила она, – то я могу поговорить с капитаном нашей школьной сборной команды, он возьмёт тебя игроком.

– Посмотрим, – сказал я с достоинством победителя, – сейчас у меня мало времени для игр.

Раньше от одного такого предложения бы я радовался до одури, но сейчас я опять боялся потерять перед ней своё лицо. Я знал, насколько хрупко то положение, которое занимаешь возле неё. Поэтому я был предельно осторожен. И, кажется, поступил правильно. Мой ответ ещё больше привлёк ко мне её внимание.

– Чем же ты занят? – спросила она с интересом.

– Это тайна, – ответил я.

– Не хочешь говорить, не надо, – сказала она холодно и, гордо посмотрев на меня, удалилась.

Многие одноклассники хлопали меня по плечу и поздравляли со спортивным успехом. Они говорили, что я классно играю в баскетбол, и так долго скрывал от всех свой талант. С этого дня за мной закрепилась прочная слава в школе как за самым метким игроком, забрасывающим мячи в корзину. За один день я добился того, что Катя ни только обратила на меня внимание, и я для неё перестал быть пустым местом, но и завоевал её уважение. Правда, это уважение было ещё далёким от каких-то симпатий с её стороны, но я мог почувствовать себя рядом с ней уже не человеком второго сорта, как это было раньше.

Домой из школы я летел на крыльях славы. Настроение у меня было приподнятое. Я поверил в свои силы. Дома я включил компьютер и стал просматривать фотографии Кати. Мне показалось, что все те выражения её лица я видел сегодня во время игры. Я видел её смеющуюся, после удачного броска в корзину. Видел удивлённое лицо, когда мне удалось забросить мяч. Видел доброжелательное лицо, когда она предложила стать членом сборной команды. Видел надменную гримасу, когда заявил ей, что у меня есть тайна. Насчёт тайны я сказал ей, не подумав, и вероятно зря это сделал. Потому что женщину ничто так не оскорбляет, как недоверие, но, с другой стороны, у нас с ней не было дружеских отношений, чтобы делиться с ней тайнами. Может быть, такое заявление ещё больше пробудит её интерес ко мне.

Так я думал, глядя на её фотографии в компьютере. Затем я переключился на картинку моего карманного города, в небе которого по-прежнему плавали два дракона и полдюжины ангелов. На этот раз я потерял к ним всякий интерес, потому что реальные фотографии Кати и отношения с ней занимали меня намного больше разных там фантазий, которые приходили ко мне в голову до этого. Я уже собирался всё спустить в корзину, но почему-то этого не сделал, о чём в будущем очень сожалел и раскаивался.

Ближе к вечеру, сделав уроки, я отправился к Егору. До этого времени, я всегда прохладно относился к приготовлениям уроков, но в тот день, когда я стал чемпионом бросков мячей в корзину, мне захотелось также стать отличником учёбы, как Катя, чтобы полностью сравняться с ней.

– Привет, – встретил меня возгласом Егор в прихожей, – ну что, есть у тебя время? Ставим сегодня наше оборудование на крыше?

Я радостно сказал ему:

– Ставим. Сегодняшний день для меня особенный. Ты слышал, что я сегодня стал чемпионом по броскам мячей в корзину.

– Нет, – ответил он, – после четвёртого урока нас отпустили домой. Заболела учительница географии. И, придя домой, впервые испытал нашу машину от переносного электрошнура, чтобы узнать с каким шумом она работает. Оказывается, она работает почти неслышно, так, слышен, правда, небольшой шум, как от настольного вентилятора. Но это не страшно. Никто не заподозрит, что у нас на крыше работает эта машина.

– А в какое время ты её включал? – подозрительно спросил я его.

Он назвал мне время, и оно удивительным образом совпало с нашим баскетбольным матчем в спортзале. Настроение у меня тут же понизилось. Я – то думал, что забрасывал эти мячи своим умением, а, оказывается, в то время действовало торсионное поле Егоровой машины, которое и помогло мне стать победителем. Я об этом предпочёл не говорить Егору.

Мы с ним поднялись на чердак и осторожно подняли летающую тарелку. Вся она весила килограммов пятьдесят. Было тяжеловато, конечно, но нести её пришлось недалеко. Подняв на уровень слухового окна, один край мы положили на крышу, другой край держал я, а Егор, добежав до соседнего слухового окна, выбрался на крышу и шумно протопал к месту нашей выгрузки. Мы ели-ели пропихнули нашу тарелку через слуховое окно. Я тоже вылез на крышу и помог Егору установить её на горизонтальном козырьке слухового окна, туда, где мы ещё вчера вечером лежали, глядя на звёзды. Предусмотрительный Егор уже заранее днём приготовил все крепёжные устройства, просверлил на козырьке отверстия. Нам оставалось только установить правильно летающую тарелку и закрепить её болтами на стеллаже. Затем Егор приладил к ней странную антенну, похожую на воронку с расходящимися снизу и сверху железными горловинными кольцами. Затем он подсоединил к аппарату электрическую переноску и опустил один её конец себе на балкон. Всё это сооружение походило на своеобразную параболическую антенну, и отличалось от других антенн на крыше только своей формой. Мы отошли на несколько метров от антенны и любовались своей работой.

– Знаешь, – вдруг сказал он мне, – нам нужно установить круглосуточное наблюдение за этим объектом.

И он кивнул головой в сторону нашей летающей тарелки.

– Нам нужно постоянно знать, что происходит вокруг неё. Я из нашей общей суммы денег купил две миниатюрные видеокамеры и моток шнура. Хочу их приладить к корпусу нашего аппарата и направить в разные стороны света и присоединить к нашим компьютерам. Можно было, конечно, купить одну вращающуюся камеру, но она очень дорогая, к тому же поле обзора у неё меньше. Когда она будет смотреть в одну сторону, то что-то произойдёт в другой стороне, и она это не зафиксирует. А так мы будем видеть всё вокруг неё на триста шестьдесят градусов постоянно, днём и ночью. На экранах у нас будут две картинки. Северная и южная стороны.

За северной стороной буду наблюдать я, потому что там находится кладбище, где лежат мои родители, а за южной стороной посмотришь ты. Туда попадает наш авиационный завод. Ты – не против такого предложения?

Я пожал плечами и сказал, что я согласен. Егор тут же сбегал к себе домой принёс коробку с двумя маленькими видеокамерами и большой моток шнура. Он установил камеры на корпусе тарелки и присоединил к ним два шнура. Одни из них короткий, который спустил к себе на балкон вместе с переносным электропроводом, а другой протянул по крыше к месту моего подъезда. Отмерив нужную длину, он обрезал шнур и сбросил один конец с крыши, а середину шнура закрепил на крыше.

– Вот – сказал он, – сейчас конец шнура болтается напротив твоего окна. Иди домой, поймай его, и подсоедини к своему компьютеру. Все будут думать, что это простая антенна. Никому ничего не бросится в глаза.

Я спустился к себе в комнату и сделал всё, что он велел. Затем поднялся опять на крышу.

– Всё, – сказал Егор, – наш агрегат к пуску готов. Поехали?!

– Поехали, – ответил я ему, как когда-то давно восклицал космонавт Гагарин, отправляясь в своё путешествие в космос.

Егор включил рубильник, и наш аппарат заработал. Его, и в самом деле, почти не было слышно.

– Ну, как? – похвастался Егор. – Никакого шума. Если бы ты знал, сколько мне стоило трудов сделать так, чтобы диски вращались бесшумно.

– Ценю твоё усердие, – похвалил его, пожав ему руку.

Мы присели на корточки и стали прислушиваться к голосам с улицы и шуму нашего вентилятора. Пока мы возились с установкой нашей машины, наступил вечер. На западе солнце опускалось за горизонт. Мы ещё некоторое время посидели у работающей летающей тарелки, но ничего не происходило.

– Будем надеяться, что всё у нас получится, – сказал он, стараясь казаться оптимистично настроенным.

Но я заметил, что Егор был обеспокоен, вероятно, оттого что ничего вокруг нас не происходило.

– Пойдём по дома, – предложил он, – посмотрим на наших камерах, что происходит. Может быть, что-то появится.

Мы крепко пожали друг другу руки, поздравили с началом эксперимента и отправились по домам.

Родители были недовольны тем, что я опоздал к ужину. Наскоро попив чаю, я ушёл в свою комнату и припал к компьютеру. Первым делом, я проверил камеру, установленную на нашем аппарате. Она работала, показывая две картинки, состоящие из разных частей неба. Южная его часть была освещена заревом электрических огней прожекторов завода и фонарями нашего городка, северная часть была тёмной, и на ней можно было видеть точечные огоньки звёзд на небе. Пользуясь компьютерной подстройкой, можно было фокусировать тот или иной объект на картинке, увеличивать или уменьшать его. Некоторое время я сидел, занимаясь тем, что перенастраивал фокус с одного ночного объекта наблюдения на другой. Но всё было спокойно, ничего нигде не происходило.

Я переключился на фотографии Кати, затем перешёл на снимки моего карманного городка с летающими небесными существами, снятого из космоса приборами НАСА. Сейчас, в ночное время, наш городок выглядел совсем по-другому, чем днём. Уличные фонари и подсветка на домах делали его более загадочным и похожим на сказочную крепость, притаившуюся в темноте. Правильные линии бегущих огней, вычерчивали в темноте странные светящиеся контуры квадратов, окружностей, ромбов и параллелепипедов. Наехав из космоса объективом на наш дом, я рассмотрел на козырьке слухового окна наш аппарат. С высоты он

казался совсем маленьким, сверкая своей круглой белой поверхностью. Я подключил камеру и вывел на экран вторую картинку с небом, откуда я разглядывал наш дом. Одновременно на экране космос смотрел на землю, а земля – на небо. Получалось, как в косоглазии, одни глаз смотрел на другой, и их траектории из разных мест сходились где-то в одной точке. Но со спутника можно было рассмотреть нашу летающую тарелку, а вот с тарелки спутник не был виден. Это походило на то, как если бы Бог нас видел, а мы его – нет. По ночному небу летали чуть видимые драконы и ангелы.

Поседев ещё немного за компьютером, я улёгся в постель и забылся глубоким сном. Мне снилось, что я опять фотографирую Катю. Она смеётся надо мной, но потом почему-то пугается и бежит от меня прочь. Я пытаюсь догнать её, но чем быстрее я бегу за ней, тем дальше она убегает. Я никак не могу её догнать. Вдруг у меня в руках оказывается баскетбольный мяч. Я бросаю его по кольцу, но мяч промазывает и попадает в голову Кати, сбивая её с ног. Я подбегаю к ней и вижу в её глазах страх. Я нагибаюсь, хочу ей помочь подняться, но она отталкивает мою руку, и куда-то проваливается. Меня же несёт в небо. Я поднимаюсь выше облаков и парю в воздухе подобно птице. Подо мной лежит наш городок в руинах как после бомбёжки. Я вижу на востоке два звена летящих «zero», управляемых камикадзе. Японские лётчики летят к нашему городку. На бортах их самолётов нарисованы красные круги, похожие на восходящие солнца.

Я вижу за силуэтами самолётов красный диск встающего из-за горизонта солнца. Его кровавый свет окрашивает в красный цвет мой городок. Я, подобно журавлю, кричу жителям, пытаюсь их предупредить об опасности. Там где-то должна быть Катя. И ей грозит опасность. Я кричу, что есть силы, но звуки, вырывающиеся из моего горла похожи на журавлиный клёкот. Меня никто не слышит. Некоторые люди смотрят на меня снизу, улыбаются и машут мне руками. И вдруг я вижу, как с аэродрома авиазавода поднимается английский истребитель и устремляется на перехват японских самолётов. Истребитель пролетает мимо меня, в кабине промелькнуло лицо Егора. «Но он совсем не умеет драться в воздушном бою! – восклицаю я. – Его же собьют в первые минуты». Я хочу ему что-то крикнуть, но он пролетает мимо, не обращая на меня никакого внимания. Японские самолеты уже подлетают к нашему городку, и вдруг я вижу, как они меняют курс и устремляются на север в район кладбища. Я лечу вслед за ними и с ужасом замечаю, что между кладбищем и садоводством возникло широкое озеро, похожее на море. И на его плещущихся волнах качается американский авианосец. Японские самолёты, как в компьютерной игре, атакуют авианосец. И истребитель Егора врывается в их строй. Рядом с его самолётом мелькают трассирующие пули. Его вот-вот собьют. Но что я вижу? Откуда-то появляются два дракона с лицами его родителей. Это те самые драконы, которых я создал в своём компьютере. Они стремительно проносятся перед японскими самолётами и сбивают их с курса, не дают точно прицелиться. Один из драконов с лицом мамы открывает кабину самолёты и выхватывает оттуда своего сына. Дракон-папа вытворяет перед японцами такие фигуры высшего пилотажа, что они оставляют горящий внизу авианосец и устремляются за ним. Папа улетаёт зигзагами на восток, уводя за собой оба звена Zero. Мама с сыном летят прямо к центральному скверу городка и отпускает на балкон своего дома уснувшего сына. Как видно, во время ночного боя Егор так умаялся, что уснул на лету в объятиях своей матери. Я зависаю над нашим домом и вдруг вижу, что у меня нет никаких крыльев, чтобы держаться в воздухе. От ужаса я прихожу в себя и чувствую, что падаю вниз, да так что замирает сердце. Я лечу со скоростью многотонной бомбы, пробиваю два верхних этажа нашего дома и оказываюсь в постели своей комнаты. Из-за оконных штор пробивается утренний свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.